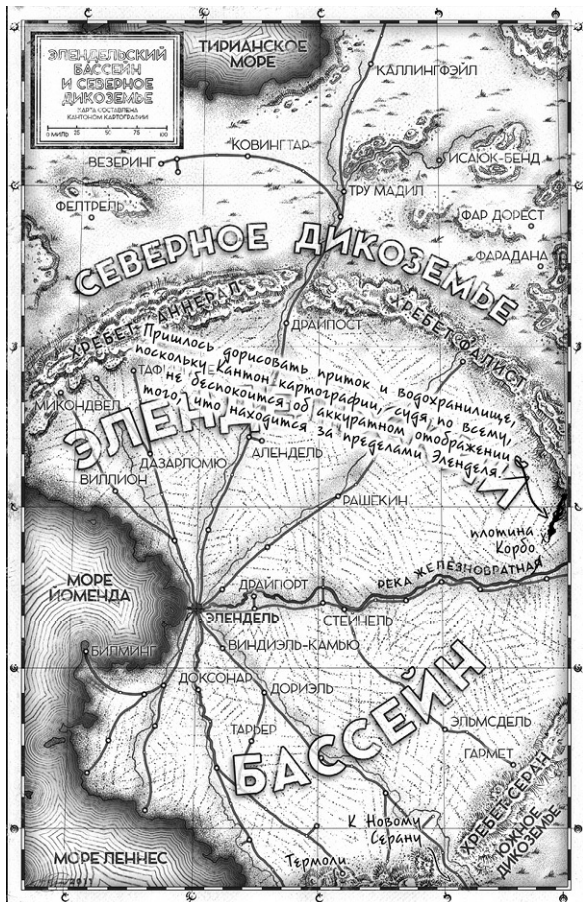

*Посвящается
Моше Федеру, который дал мне шанс*

Благодарности

У этой книги в каком-то смысле легендарное прошлое, поскольку первую ее треть я написал, когда работал над другой. (Ждал, пока редактор пришлет замечания; кажется, это был заключительный том цикла «Колесо времени».) Пришлось оставить работу и обратиться к той, другой книге.

К моменту, когда я смог вернуться к трилогии про Вакса, Уэйна и Мараси, мое видение изменилось — так что над первой третью пришлось всерьез потрудиться, чтобы привести в должный вид, соответствующий двум другим третям, прямо в процессе их написания. Во многом я полагался на блестящую проницательность моего редактора Моше Федера, моего агента Джошуа Билмеса и моего ассистента по редакторской работе Мгновенного Питера Альстрома. Также очень благодарен моему редактору в Великобритании Саймону Спэнтону.

В дополнение к этому, как обычно, бесценна была моя писательская группа. В нее входят: Эмили Сандерсон, Карен и Питер Альстромы, Дарси и Эрик Джеймс Стоуны, Алан Лейтон, Бен «Пожалуйста, на этот раз не ошибись с моим именем» Олсен, Даниэль Олсен, Кэтлин Дорси Сандерсон, Кейлинн Зобелл, Итэн и Айзек Скарстедты и Кара и Айзек Стюарты.

В авральном режиме мы провели бета-читку, и некоторые бдительные люди изложили свои блестящие комментарии. Ими были: Джори Филипс, Джоэль Филипс, Боб Клютц, Элис Арнесон, Трей Купер, Гэри Сингер, Линдси Лютер, Брайан Т. Хилл, Джейкоб Ремик, Эрик Джеймс Стоун, Бао Фам, Обри Фам, Стив Годеки, Кристина Кюглер, Бен Олсен, Сэмюэль Лунд, Меган Канн, Нейт Хэтфилд, Лейн Гаррет, Ким Гаррет, Эрик Лейк, Карен Альстром, Айзек Скарстедт, Дарси Стоун, Айзек Стюарт, Кальяни Полури, Джош Уолкер, Дональд Мастард Третий, Кори Айтчисон и Кристи Якобсен.

На протяжении многих лет я с необыкновенным удовольствием наблюдал за тем, как развиваются иллюстрации к моим романам. Мне всегда была свойственна эта дикая идея с включением как

можно большего количества иллюстраций — в общем-то, такого количества, какое сойдет мне с рук. Для этой книги подобное стало возможным благодаря трем чудесным художникам. Крис Макграт нарисовал обложку и просто потрясающе изобразил персонажей. Мой добрый друг и ныне постоянный арт-директор Айзек Стюарт занимался картами и символами, а также заголовками к газетным иллюстрациям, где полным-полно дизайнерских штучек. Газетные картинки рисовал неизменно прекрасный Бен Макссуини.

В моем агентстве «JAWberwocky» благодарности выносятся Эдди Шнайдеру, Сэм Морган, Кристине Лопес и Кристе Аткинсон. В Великобритании ваших аплодисментов заслуживает Джон Берлайн из «Zeno Agency».

Что касается издательства «Тог», то моя бесконечная благодарность Тому Догерти, Линде Куинтон, Марко Палмиери, Карлу Голду, Диане Фо, Нейтану Уиверу, Эдварду Аллену и Рафалу Гибеку. Корректуру выполняла Ингрид Пауэлл. Редактуру — Терри Макгэрри. А аудиокнигу начитал мой любимый чтец Майкл Крамер. Другие профи, принявшие участие в ее создании и заслуживающие благодарностей: Роберт Аллен, Саманта Эдельсон и Митали Дейв. Адам Хорн, мой новый исполнительный помощник, в этой книге впервые видит упоминание о себе. Отлично работаешь, Адам!

И наконец, как всегда, огромная благодарность моей семье — чудесной жене и трем маленьким мальчикам, которые все еще удивляются, почему папочка пишет книги, в которых так мало картинок.

Пролог

В аксиллиум Ладриан, законник по найму, спешился и повернулся лицом к салуну.

— Гляди-ка, ты не запутался шпорой в стремянах и не брякнулся на землю, — спрыгнув с собственной лошади, заметил его спутник, парнишка лет семнадцати.

— Это произошло один-единственный раз, — огрызнулся Ваксиллиум.

— Ага, но было смешно — просто обхохочешься.

— Оставайся с лошадьми, — приказал Ваксиллиум, бросая парнишке поводья. — Не привязывай Крушительницу. Она может мне понадобиться.

— Ладненько.

— И не смей ничего красть!

Парнишка — круглолицый, с едва заметной щетиной, которую отращивал не одну неделю, — кивнул с мрачной торжественностью:

— Обещаю, что не буду ничего у тебя тырить, Вакс.

Ваксиллиум вздохнул:

— Я не это сказал.

— Но...

— Просто оставайся с лошадьми. И постарайся ни с кем не разговаривать.

Ваксиллиум покачал головой и, ступая легким пружинистым шагом, вошел в салун. Он по чуть-чуть заполнял метапамять, уменьшая вес примерно на десять процентов. Это вошло в привычку несколько месяцев назад — с тех самых пор, как у него закончился запас прямо во время охоты за одним из первых преступников.

Салун, разумеется, был грязным. Почти все в Дикоземье было пыльным, изношенным или сломанным. Ваксиллиум провел тут пять лет, но так и не привык. Большую часть из этих пяти лет он пытался зарабатывать на жизнь в качестве клерка, постепенно удаляясь от крупных поселений из опасения оказаться узанным. Но если даже крупные поселения Дикоземья были грязнее тех, что располагались в окрестностях Эленделя, то здесь, на самом краю обитаемых земель, слово «грязный» и близко не отражало всей полноты того, что представляла собой жизнь.

Посетители салуна, мимо которых проходил Ваксиллиум, сидели за столами, ссутулившись и почти не поднимая глаз. Вот, кстати, еще одна характерная черта Дикоземья. И растения, и люди здесь отличались куда большим количеством шипов и припадали к земле. Даже веерообразные акации, которые время от времени вырастали высокими и выглядели сильными и крепкими.

Рассчитывая привлечь внимание, Ваксиллиум

остановился и, уперев руки в бока, огляделся. Не получилось, отчего нахлынуло раздражение. Зачем наряжаться в отличный городской костюм с широким галстуком лавандового цвета, если этого никто не замечает? Впрочем, здесь над ним хотя бы не хихикали, как в предыдущем салоне.

Держа руку на кобуре, Ваксиллиум неторопливо подошел к барной стойке. Высокий бармен отличался стройным и гибким телосложением, которое могло свидетельствовать о некотором количестве террисийской крови в его жилах, хотя благородные сородичи из Бассейна пришли бы в ужас при виде того, как парень грызет жирную цыплячью ногу, а свободной рукой подает кружку. Ваксиллиум попытался сдержать тошноту: к местным понятиям о гигиене он тоже пока что не привык. В этих краях утонченным считался человек, не забывавший вытереть ладони о штанины в промежутке между ковыранием в носу и пожиманием чьей-то руки.

Ваксиллиум подождал. Потом еще немного. Потом кашлянул. Наконец бармен навис над ним:

— Чего?

— Я ищу одного человека, — вполголоса сообщил Ваксиллиум. — Называет себя Гранитным Джо.

— Не знаю такого, — ответил бармен.

— Не надо... Он же единственный по-настоящему известный бандит в этих краях!

— Не знаю такого.

— Но...

— Безопаснее не знать таких людей, как Джо, —

пояснил бармен, откусывая от цыплячьей ноги. — Но у меня есть друг.

— Какая неожиданность.

Бармен впери́л в законника сердитый взгляд.

— Гм, — хмыкнул Ваксиллиум. — Простите. Продолжайте.

— Мой друг, возможно, знает людей, о которых другие не желают ничего знать. Чтобы с ним связаться, нужно немножечко времени. Заплатишь?

— Я законник. Я делаю все необходимое во имя справедливости.

Бармен моргну́л — медленно и демонстративно, как будто прилагая осознанные усилия:

— Ну, так это... ты заплатишь?

— Да, заплачу, — со вздохом ответил Ваксиллиум, мысленно прикидывая, сколько уже потратил, охотясь за Гранитным Джо.

Он не мог себе позволить снова разориться. Крушительнице требовалось новое седло, а костюмы Ваксиллиума изнашивались в этих краях с пугающей быстротой.

— Хорошо. — Бармен поманил Ваксиллиума за собой.

Извилистым путем они прошли через зал, огибая столы и зажатое между ними пианино возле одной из колонн. Судя по виду, на инструменте не играли уже много лет, и кто-то соорудил на нем батарею из грязных кружек. Потом проследовали в маленькую комнату рядом с лестницей. Там пахло пылью.

— Жди, — велел бармен и ушел, закрыв за собой

дверь.

Ваксиллиум скрестил руки на груди, созерцая единственный стул. Белая краска на нем потрескалась и облезала; законник не сомневался, что, если присядет, половина этой самой краски прилипнет к брюкам.

Как ни крути, но пять лет все же срок порядочный. Постепенно Вакс привыкал если не к отдельным привычкам жителей Дикоземья, то к самим жителям. За последние месяцы, потраченные на погоню за бандитами, выяснилось, что среди прочих здесь встречались и хорошие люди. Тем не менее местные все как один были упрямыми фаталистами. Они не доверяли властям и частенько избегали законников, даже если тем самым позволяли людям вроде Гранитного Джо убивать и грабить. Без наград, которые за головы бандитов назначали железнодорожные и горные компании, ничего бы не...

Окно затряслось. Ваксиллиум замер, потом выхватил из кобуры на боку пистолет и зажег сталь. Металл создал внутри отчетливое тепло, похожее на то, что возникает после чересчур горячего питья. Из груди к ближайшим источникам металла потянулись голубые лучи, некоторые указывали на нечто прямо за закрытым ставнями окном. Остальные уходили вниз. Похоже, в салуне имелся подвал, что для Дикоземья было необычным.

Ваксиллиум мог применить к этим лучам алломантическое толкание — надавить на металл, на который они указывали; но пока что просто смотрел,

как между оконными створками появился пруттик. Вот он поднялся и сдвинул крючок, удерживавший их в закрытом положении. Окно задребезжало — и распахнулось настежь.

В комнату запрыгнула молодая женщина в темных брюках и с винтовкой в руке. Незнакомка была стройной, с квадратным лицом, в зубах сжимала незажженную сигару и казалась смутно знакомой. Явно довольная собой, она выпрямилась и уже повернулась, чтобы закрыть окно, но в этот момент увидела Ваксиллиума.

— Преисподняя! — Попятившись, женщина выронила сигару и вскинула винтовку.

Ваксиллиум поднял собственный пистолет и напряг алломантические чувства, жалея, что не знает способа, которым мог бы защитить себя от пуль. Да, он умел отталкивать металл, но ему бы не хватило проворства, чтобы остановить выстрел из ружья. Разве что алломантически толкнуть оружие еще до того, как нажмут на спусковой крючок.

— Эй, — глядя через прицел винтовки, окликнула женщина. — А ты разве не тот малый? Ну, который убил Черного Перета?

— Ваксиллиум Ладриан. Законник по найму.

— Да ты шутишь. Ты всегда так представляешься?

— Конечно. А почему нет?

Она не ответила, но отвела взгляд от винтовки и изучала законника на протяжении нескольких мгновений. Потом наконец проговорила:

— Шейный платок? Серьезно?

— Это вроде как мой стиль, — объяснил Ваксиллиум. — Джентльмен — охотник на бандитов.

— А с чего вообще охотнику на бандитов нужен «стиль»?

— Репутация — важная вещь, — вздернув подбородок, заметил Ваксиллиум. — У всех бандитов она есть; про Гранитного Джо знает все Дикоземье. Почему бы мне не добиться подобного?

— Потому что так ты рисуешь мишень у себя на лбу.

— Оно того стоит, — возразил Ваксиллиум. — Кстати, о мишенях... — Он помахал пистолетом, потом кивком указал на винтовку собеседницы.

— Ты охотишься за Джо, чтобы получить награду за его голову, — перебила та.

— Ну разумеется. И ты тоже?

Женщина кивнула.

— Поделим? — предложил Ваксиллиум.

— Ладненько. — Она со вздохом опустила винтовку. — Но тот, кто его пристрелит, получит вдвойне.

— Я собирался сдать его живым...

— Отлично. Тем больше у меня шансов убить его первой. — Одарив его улыбкой, женщина проскользнула к двери. — Меня Лесси зовут. Ну так что? Гранитный и впрямь где-то здесь? Ты его видел?

— Нет, не видел, — сказал Ваксиллиум, присоединяясь к ней у двери. — Я спросил бармена, и он отправил меня сюда.

Лесси повернулась:

— Значит, ты спросил бармена.

— Ну да. Я читал о таком. Бармены знают все, и... Ты качаешь головой.

— В этом салуне нет человека, который не продался бы Джо с потрохами, мистер Шейный Платок. Клянусь преисподней, да половина людей в городишке ему продалась. Ты вот так просто взял и спросил бармена?!

— Кажется, мы уже установили этот факт.

— Ржавь! — Лесси приоткрыла дверь и выглянула наружу. — Именем Разрушителя, да как ты вообще умудрился расправиться с Черным Перетом?

— Уверен, все не так плохо. Не может быть такого, чтобы все в баре...

Ваксиллиум выглянул за дверь и осекся. Высокий бармен ни за кем не побежал. Нет, он стоял посреди пивной салуна, жестами указывая на комнату возле лестницы и призывая собравшихся головорезов и негодяев встать и вооружиться. Те колебались, кто-то отвечал сердитыми жестами, но некоторые уже достали пистолеты.

— Проклятье... — прошептала Лесси.

— Тем же путем, каким ты вошла? — предложил Ваксиллиум.

Вместо ответа Лесси с необыкновенной осторожностью закрыла дверь, потом отпихнула его в сторону и пробралась к окну. Стоило ей схватиться за подоконник с намерением выскочить наружу, как поблизости раздался треск выстрелов, и от подоконника полетели щепки.

Лесси с ругательством бросилась на пол. Ваксиллиум залег рядом.

— Снайпер! — прошипел он.

— Ты всегда так наблюдателен, мистер Шейный Платок?

— Нет, только когда в меня стреляют. — Он выглянул из-за подоконника, но поблизости было с дюжину мест, где мог притаиться меткий стрелок. — У нас проблема.

— Твоя наблюдательность по-прежнему остра как бритва. — Лесси по-пластунски добралась до двери.

— Я имел в виду не только очевидную сторону. — Ваксиллиум пересек комнату на полусогнутых ногах. — Когда они успели разместить снайпера? Они будто меня ждали. Возможно, все это место — ловушка.

Когда он достиг двери и опять ее приоткрыл, Лесси тихонько выругалась. Головорезы негромко спорили и жестами указывали в их сторону.

— Они приняли меня всерьез, — заметил Ваксиллиум. — Ха! Репутация работает. Видишь? Они испугались!

— Поздравляю. Как думаешь, меня наградят, если я тебя пристрелю?

— Надо подняться этажом выше, — решил Ваксиллиум, окидывая взглядом лестничный пролет прямо рядом с их дверью.

— И какой от этого толк?

— Ну, прежде всего, эти вооруженные ребята, которые собираются нас убить, находятся здесь, внизу. Очень бы хотелось оказаться где-то в другом

месте, а лестницу защищать проще, чем комнату. Кроме того, может, удастся разыскать окно на другой стороне здания.

— Ну да, если тебе охота прыгать с высоты двух этажей.

Прыжки не были проблемой для алломанта-стрелка: Ваксиллиум мог оттолкнуться от брошенного кусочка металла, а пока тот падал, замедлиться и приземлиться в целости и сохранности. Он также был ферухимиком и мог использовать свою метапамять, чтобы уменьшить вес куда сильнее, чем делал сейчас, оставив сущие крохи, позволявшие почти парить в воздухе.

Однако способности Ваксиллиума не были широко известны, и он не намеревался ничего менять. Он слышал байки о собственных чудесных спасениях, и ему нравилось, как загадочно они звучали. Конечно, ходили слухи, будто он металлорожденный, но, пока люди не знали наверняка, на что он способен, у Ваксиллиума оставалось преимущество.

— Ты как знаешь, а я — к лестнице, — сказал он Лесси. — Если хочешь остаться здесь и пробиваться наружу с боем — великолепно. Обеспечишь мне идеальное прикрытие.

Она бросила на него оценивающий взгляд, потом ухмыльнулась:

— Ладно. Сделаем по-твоему. Но если нас подстрелят — угостишь меня выпивкой.

«Я точно ее откуда-то знаю», — подумал Ваксиллиум.

Кивнув, он тихонько сосчитал до трех, потом выскочил из комнаты и направил пистолет на ближайшего головореза. Тот отпрыгнул, и все три выстрела Ваксиллиума угодили не в бандита, а в пианино; каждое попадание сопровождалось негармоничным дребезжанием.

Позади него из комнаты выбралась Лесси и побежала к лестнице. Пестрая компания головорезов с изумленными возгласами вскинула стволы. Ваксиллиум отвел пистолет так, чтобы тот не попал под воздействие его собственной алломантии, и легонько толкнул голубые лучи, которые вели к находившимся в салуне. Бандиты открыли огонь, но алломантическое отталкивание сдвинуло их пистолеты и сбило прицел.

Спасаясь от шквального огня, Ваксиллиум взбежал по ступеням следом за Лесси.

— Провалиться мне в преисподнюю, мы живы, — заметила та, когда они достигли первой лестничной площадки. И обернулась.

Ваксиллиум глянул в ее раскрасневшееся лицо, и в памяти что-то щелкнуло, точно ключ в замке:

— Да я ведь тебя уже встречал!

— А вот и нет, — огрызнулась Лесси, отворачиваясь. — Давай не будем...

— «Плачущий бык»! — перебил Ваксиллиум. — Танцовщица!

— Ох, Господь Запредельный, — проговорила она, первой бросаясь вверх по лестнице. — Ты запомнил.

— Я так и знал, что ты притворялась! Даже Раско

не нанял бы столь неуклюжую девушку, какими бы красивыми ни были ее ноги.

— Пожалуйста, можно мы пойдем и выпрыгнем из окна? — спросила Лесси, проверяя, нет ли на верхнем этаже бандитов.

— Что же ты там делала? Охотилась за бандитом ради награды?

— Ага, в каком-то смысле.

— И ты действительно не догадывалась, что они заставят тебя...

— Разговор окончен.

Они вышли на верхний этаж. Ваксиллиум выждал, пока тень на стене не оповестила о том, что кто-то поднимается по лестнице следом за ними, и выстрелил в появившегося головореза; снова промахнулся, но заставил бандита отступить. Внизу кто-то начал ругаться и спорить. Может, все в салуне и продались Гранитному Джо, однако и чрезмерной преданностью похвастать не могли. Первому, кто поднимется по ступенькам, с большой вероятностью светило получить пулю, и ни один не испытывал желания так рисковать. Это давало небольшой выигрыш во времени.

Ворвавшись в одну из комнат, Лесси прошла мимо пустой кровати, рядом с которой валялись чьи-то ботинки. Распахнула окно, располагавшееся на противоположной от снайпера стороне здания.

Перед ними раскинулся городишко Везеринг: пустынное скопище лавок и домов, словно притаившихся в ожидании — тщетном! — того дня,

когда сюда дотянется своими пальцами железная дорога. В некотором отдалении, за убогими постройками, лениво бродила пара жирафов — единственный признак животной жизни на огромной равнине.

Падать из окна предстояло прямо на землю — никакой крыши, на которую можно перебраться. Лесси с опаской глянула вниз. Ваксиллиум сунул пальцы в рот и резко свистнул.

Ничего не произошло.

Он опять свистнул.

— Сдурел? Что ты творишь? — резко одернула Лесси.

— Подзываю лошадь, — объяснил Ваксиллиум и снова свистнул. — Мы спрыгнем в седло и ускачем прочь.

Лесси уставилась на него, как на умалишенного:

— Ты это всерьез?

— Ну конечно. Мы практиковались.

На улице внизу появилась одинокая фигура — тот самый парнишка, который следовал за Ваксиллиумом.

— Э-э, Вакс? — позвал он, задрав голову. — Крушительница просто стоит себе и пьет.

— Преисподняя!

Лесси вытаращила глаза:

— Ты назвал лошадь...

— Она чересчур спокойная, понятно? — огрызнулся Ваксиллиум, забираясь на подоконник. — Я думал, имя ее вдохновит. — Он приложил ладонь ко рту, подзывая парнишку: — Уэйн! Подведи ее сюда.

Мы будем прыгать!

— Ага, вот прямо щас, — хмыкнула Лесси. — По-твоему, в седле есть нечто магическое и оно позволит не сломать лошади спину, когда мы на нее рухнем?

Ваксиллиум поколебался:

— Ну, я читал о людях, которые так делали...

— Ой, а у меня идея, — перебила Лесси. — Почему бы тебе вслед за этим не вызвать Гранитного Джо на дуэль? Вы с ним прямо на дороге, в свете полуденного солнца, будете палить друг в друга, как делали в старые добрые времена!

— Думаешь, сработает? Я...

— Не сработает! — рявкнула Лесси. — Никто так не поступает. Это глупо. Клянусь Разрушителем! Да как ты вообще убил Черного Перета?

Некоторое время они сверлили друг друга взглядами.

— Ну... — начал Ваксиллиум.

— Ох, чтоб мне провалиться. Застукал его в нужнике, угадала?

Ваксиллиум ухмыльнулся:

— Ага.

— И выстрелил в спину?

— Настолько храбро, насколько вообще возможно кому-то выстрелить в спину.

— Хм. Возможно, с тобой еще не все потеряно.

— Прыгаем? — Ваксиллиум кивком указал на окно.

— Конечно. Почему бы не сломать обе ноги, прежде чем меня застрелят? Пожалуй, сыграем ва-

банк, мистер Шейный Платок.

— Думаю, с нами все будет в порядке, мисс Розовая Подвязка.

Лесси вскинула бровь.

— Если ты собираешься именовать меня в соответствии с моими предпочтениями в одежде, — пояснил Ваксиллиум, — я буду делать то же самое.

— Больше об этом ни слова, — отрезала Лесси и перевела дух. — Ну что?

Законник кивнул, разжигая металлы, и уже приготовился держать ее покрепче и замедлять их падение таким образом, чтобы казалось, будто они чудесным образом пережили прыжок. Но в этот момент заметил движение голубого луча — бледного, но толстого, указывающего на нечто по другую сторону улицы.

«Окно мельницы...»

Что-то там блеснуло в лучах солнца.

Ваксиллиум схватил Лесси и увлек вниз. Спустя долю секунды над их головами пролетела пуля и вошла в дверь на противоположной стене комнаты.

— Еще один снайпер, — прошипела Лесси.

— Твоя наблюдательность...

— Умолкни! Что теперь?

Нахмурившись, Ваксиллиум размышлял над ответом. Взглянул на отверстие от пули, вычисляя траекторию. Снайпер прицелился слишком высоко; даже если бы Ваксиллиум не нырнул, с ним, скорее всего, было бы все в порядке.

Но зачем целиться высоко? Движущийся голубой

луч, указывавший на пистолет, продемонстрировал, что на позицию снайпер прибыл бегом. Может, просто выбрал мишень впопыхах? Или...

«Не хотел ли он сбить меня в воздухе? В тот момент, когда я вылечу из окна?»

На лестнице раздались шаги, но голубых лучей Ваксиллиум не увидел. Ругнувшись, он подобрался ближе и заглянул вниз. По ступенькам осторожно поднималась группа мужчин, и это не были обычные головорезы из зала на первом этаже. В узких белых рубашках, с тоненькими усиками, вооруженные арбалетами. Ни на одном не оказалось ни единой частицы металла.

Ржавь! Они знали, что он алломант-стрелок, и Гранитный Джо подготовил для встречи отряд убийц.

Законник поспешно вернулся в комнату и схватил Лесси за руку:

— Твой информатор сообщил, что Гранитный Джо в этом здании?

— Ага, — подтвердила она. — Почти наверняка. Он любит быть поблизости, когда собирается банда; предпочитает наблюдать за своими людьми.

— В доме есть подвал.

— И?..

— И поэтому — держись.

Он обхватил Лесси обеими руками, и они покатались по полу; та взвизгнула, потом выругалась. Прижимая ее к себе сверху, Ваксиллиум увеличил вес.

После нескольких недель откладывания по чуть-чуть его в метапамяти скопилось немало. Теперь

Ваксиллиум выбрал весь запас сразу, мгновенно увеличив свой вес во много раз. Деревянный пол под ним с треском проломился.

Порвав дорогой костюм, Ваксиллиум провалился в дыру и полетел вниз, увлекая за собой Лесси. Зажмурившись, оттолкнулся от сотен голубых лучей за спиной — тех, что вели к гвоздям в полу этажом ниже. Надавил на них мощным рывком, разбивая пол первого этажа и открывая путь в подвал.

В облаке пыли и щепок они рухнули сквозь нижний этаж. Ваксиллиум сумел замедлить их спуск с помощью стального отталкивания, но все равно приземление на стол в подвальном помещении получилось жестким, и тот под ними сломался.

Ваксиллиум аж зашипел от боли, но кое-как развернулся и начал выбираться из кучи деревянных обломков. Удивительное дело — стены в подвале были отделаны панелями из ценных пород дерева, и их украшали лампы в форме соблазнительных женщин. Стол, о который они с Лесси ударились, покрывала дорогая белая скатерть, правда теперь она сбилась в кучу, оттого что сломались ножки, а столешница перекосилась.

Во главе стола восседал мужчина. Ваксиллиум сумел выпрямиться посреди обломков и направить пистолет на этого малого с грубыми чертами лица и темной сине-серой кожей — признаком того, что в числе его предков были колоссы. Гранитный Джо. Судя по заправленной за ворот салфетке и пролитому супу, Ваксиллиума угораздило прервать обед бандита.

Лесси застонала, перекатилась и стряхнула щепки с одежды. Ее винтовка, видимо, осталась наверху. Ваксиллиум крепко держал пистолет, не спуская глаз с двух одетых в пыльники телохранителей позади Гранитного Джо. Эти двое, брат и сестра, по слухам, были отменными снайперами. Неожиданное падение явно застало их врасплох: за оружие-то они схватились, однако вытянуть его из кобуры не успели.

У Ваксиллиума было преимущество, поскольку он держал Джо на мушке... но если он и впрямь выстрелит, снайперы тут же его прикончат! Возможно, законник все-таки не продумал этот сценарий сражения так хорошо, как следовало бы.

Джо поковырлся в остатках разбитой миски, обрамленных лужами красного супа на скатерти. Сумел набрать немного в ложку и поднял ее к губам.

— Ты, — проговорил он, втянув суп, — должен быть покойником.

— Возможно, тебе стоит нанять новых головорезов, — предположил Ваксиллиум. — Те, что наверху, особой ценности не представляют.

— Да я не о них. — Джо презрительно скривился. — Сколько ты уже здесь, в Дикоземье, нарываешься на неприятности? Два года?

— Год, — поправил Ваксиллиум.

На самом деле он провел тут больше, но лишь недавно начал, по выражению Джо, «нарываться на неприятности».

Гранитный Джо поцокал языком:

— Думаешь, здесь не видали типов вроде тебя,

сынок? Глазенки широко распахнуты, оружейный ремень висит низко, а шпоры новехонькие, аж блестят! Вы приходите, чтобы отучить нас от дикарского образа жизни. Вас, таких, мы тут видим с дюжину каждый год. Другим хватает такта приучиться брать взятки или сыграть в ящик до того, как они слишком многое испортят. Но не вашей братии.

«Тянет время», — подумал Ваксиллиум. Бандитский главарь ждал, пока его люди добегут до подвала.

— Бросайте оружие! — выкрикнул законник, держа Гранитного Джо на мушке. — Бросайте, или я стреляю!

Охранники не шелохнулись.

«К женщине-телохранителю не ведет ни один металлический луч, — подумал Ваксиллиум. — Как и к самому Джо».

У ее брата был пистолет, и, возможно, телохранитель был уверен, что сможет его выхватить быстрее, чем алломант-стрелок. Ваксиллиум мог бы поспорить, что женщина прячет в кобурах замысловатые ручные арбалеты. На один заряд — из дерева и керамики. Предназначенные для убийства алломантов-стрелков.

Даже при помощи алломантии Ваксиллиум ни за что не сможет убить всех троих и не словить пулю. По виску потекла капля пота. Искушало желание просто нажать на спусковой крючок и выстрелить, но если так поступить, его убьют. И они это знали. Полный

тупик... и к тому же противники ожидали подкрепления.

— Тебе здесь не место, — продолжал Джо, подавшись вперед и уперев локти о сломанный стол. — Мы сюда пришли, чтобы скрыться от ребят вроде тебя. От ваших правил. От вашей заносчивости. Мы в вас не нуждаемся.

— Будь это правдой, — парировал удивленный спокойствием собственного голоса Ваксиллиум, — тогда ко мне бы не приходили со слезами на глазах люди, чьих сыновей ты убил. Может, вам здесь и не нужны законы Эленделя, но это не означает, что вам не нужны вообще никакие законы. И это не означает, что таким, как ты, можно позволять творить все, что вздумается.

Гранитный Джо покачал головой и встал, держа руку на кобуре:

— Ты не в своей среде обитания, сынок. Тут у нас каждый имеет цену. Если не имеет, то не находит своего места. Ты умрешь. Медленно и мучительно, прямо как лев умер бы в твоём родном городе. То, что я сегодня совершу, — акт милосердия.

Он выхватил оружие.

Ваксиллиум отреагировал быстро, оттолкнувшись алломантией от ламп на стене справа. Они были хорошо закреплены, так что его швырнуло влево. Ваксиллиум повернул дуло пистолета и выстрелил.

У Джо в руке был арбалет, и он выпустил болт, но промахнулся — болт прошмыгнул в воздухе в том месте, где должен был находиться Ваксиллиум. А вот

пуля, которую выпустил сам законник, попала в цель — в женщину-телохранительницу, которая выхватила собственный арбалет. Она упала, а Ваксиллиум, врезавшись в противоположную стену, толкнул — и выбил пистолет из руки телохранителя-мужчины как раз в момент выстрела.

К несчастью, алломантический толчок вырвал из рук Ваксиллиума еще и его собственный пистолет... но тот полетел, кувыркаясь, прямоком в телохранителя и повалил того ударом в лицо.

Ваксиллиум глянул на Джо, который как будто растерялся из-за того, что оба его телохранителя вышли из строя. Нет времени размышлять. Ваксиллиум рванулся к массивному противнику, в чьих жилах текла кровь колоссов. Если успеть дотянуться до какого-нибудь куска металла, который можно использовать в качестве оружия, то...

Позади раздался щелчок. Ваксиллиум остановился и через плечо посмотрел на Лесси, которая нацелила на него маленький ручной арбалет.

— Здесь каждый имеет цену, — повторил Гранитный Джо.

Ваксиллиум уставился на обсидиановый наконечник болта. Где же Лесси прятала эту штуку? Медленно сглотнул.

«Но ведь, взбираясь вместе со мной по лестнице, она подвергала себя опасности! Как же она могла...»

Джо знал про его алломантию. Как и Лесси. Она знала, что он может сбить голову резам прицел, когда побежала с ним вверх по лестнице!

— Ну так что, — проговорил Джо, — ты объяснишь, почему попросту не пристрелила его в той комнате в салуне, куда его завел бармен?

Вместо ответа Лесси изучала Ваксиллиума.

— Я ведь предупредила, что в салуне все продались Джо, — тихо проговорила она.

— Я... — Ваксиллиум снова сглотнул. — Я по-прежнему думаю, что у тебя симпатичные ножки.

Лесси посмотрела ему в глаза. Потом вздохнула, повернула арбалет и всадила болт Гранитному Джо в шею.

Ваксиллиум успел лишь моргнуть, а массивный бандит уже рухнул на пол и забулькал, истекая кровью.

— И это все? — спросила Лесси, сердито уставившись на Ваксиллиума. — Ты ничего другого не смог придумать, чтобы перетянуть меня на свою сторону? «У тебя симпатичные ножки»? Серьезно? Да ты точно сыграешь здесь в ящик, Шейный Платок!

Ваксиллиум облегченно выдохнул:

— Ох, Гармония! Думал, ты точно меня пристрелишь.

— Надо было, — проворчала Лесси. — Сама не понимаю, как...

Она осеклась, когда загрохотало по ступенькам. Банда отщепенцев из салуна наконец-то собралась с духом, чтобы ринуться вниз по лестнице. Не меньше полдюжины ворвалось в комнату, держа оружие наготове.

Лесси бросилась к пистолету павшего

телохранителя.

А Ваксиллиум, быстро перебрав варианты, сделал то, что далось ему наиболее естественно, — выставив ногу вперед, принял посреди обломков театральную позу. Рядом валялся мертвый Гранитный Джо, поодаль — два убитых телохранителя. Пыль все еще сочилась с разломанного потолка, подсвеченная солнечным светом, льющим из окна на первом этаже.

Головорезы застыли. Посмотрели на труп своего главаря, потом вытаращились на Ваксиллиума.

И наконец, похожие на детей, застигнутых в кладовой за похищением печенья, опустили оружие. Находившиеся в первых рядах попытались протолкаться сквозь стоявших позади — и вся шумная банда спешно кинулась вверх по лестнице, бросив в одиночестве бармена, так что тому пришлось убежать последним.

Ваксиллиум повернулся и протянул руку Лесси — та позволила помочь ей подняться. Проводила взглядом удалявшихся бандитов, чьи ботинки в спешке топали по доскам. Спустя несколько мгновений в здании стало тихо.

— Хм, — произнесла Лесси. — Ты изумителен, как танцующий осел, мистер Шейный Платок.

— Полезно иметь свой стиль, — напомнил Ваксиллиум.

— Ага. Как думаешь, стоит мне обзавестись собственным?

— Ради своего стиля я и отправился в Дикоземье.

Лесси медленно кивнула:

— Понятия не имею, о чем мы тут беседуем, но нюхом чую, в этом есть что-то скабрзное. — Она посмотрела мимо Ваксиллиума на труп Гранитного Джо — бандит с остекленевшими глазами лежал в луже собственной крови.

— Спасибо, что не убила.

— Э-э-э... я собиралась его в конце концов прикончить и сдать ради выкупа.

— Да, но очень сомневаюсь, что ты собиралась это сделать на глазах у всей банды, будучи запертой в подвале, точно в ловушке.

— И то правда. Выходит, это была натуральная глупость с моей стороны.

— Почему же ты так поступила?

Лесси по-прежнему не сводила глаз с тела.

— От имени Джо я сделала много такого, чего лучше было не делать, однако не припомню, чтобы мне доводилось убивать человека, который этого не заслужил. Убить тебя... ну, это было бы все равно что убить то, что ты защищаешь. Понял, да?

— Общую мысль вроде уловил.

Лесси потеряла кровотокающую на шее царапину, которую получила во время падения:

— Надеюсь, в следующий раз не придется устраивать такой большой бардак. Этот салун мне нравился, знаешь ли.

— Приложу все усилия, — заверил Ваксиллиум. — Я как раз намереваюсь все здесь изменить. Если не все Дикоземье, то, по крайней мере, этот город.

— Ну, — подходя к трупу Гранитного Джо, проговорила Лесси, — уверена, что, если какие-нибудь злые пианино замыслили напасть на город, теперь они передумают, принимая во внимание то, как здорово ты обращаешься с пистолетом.

Ваксиллиум поморщился:

— Ты... ты это заметила, да?

— Такой трюк не каждый день увидишь. — Лесси присела, обшаривая карманы Джо. — Три выстрела, три разные ноты — и ни единого поверженного бандита. Такое надо уметь. Может, тебе стоит поменьше времени тратить на стиль, а почаще упражняться с пистолетом.

— А вот это и впрямь прозвучало скабрёзно.

— Вот и хорошо. Не люблю, когда грубости у меня выходят случайно.

Она разыскала бумажник Джо, с улыбкой подбросила в воздух и поймала.

Сквозь дыру, проделанную Ваксиллиумом в потолке, заглянула лошадиная голова, рядом показалась голова поменьше — подростковая, в чрезмерно большой шляпе-котелке. Интересно, где он ее раздобыл?

Крушительница приветственно фыркнула.

— Ну да, вот сейчас ты пришла, — проворчал Ваксиллиум. — Тупая кобыла.

— Сдается мне, тот факт, что она держится подальше от тебя во время перестрелки, выдает в этой кобыле большую умницу, — заметила Лесси.

Ваксиллиум улыбнулся. Лесси вложила в его

протянутую руку свою, и законник прижал девушку к себе. А потом — на линии голубого света — поднял их из груды обломков.

Часть первая

Семнадцать лет спустя

Глядя на закат, Винстинг легонько улыбнулся: идеальный вечер для того, чтобы выставить себя на аукцион.

— Мое убежище подготовили? — спросил он, слегка сжимая балконные перила. — Просто на всякий случай?

— Да, милорд.

Флог нацепил свою дурацкую дикоземную шляпу и пыльник, хотя ему ни разу не доводилось бывать за пределами Элендельского бассейна. Невзирая на ужасающее отсутствие вкуса, этот человек был отличным телохранителем, но Винстинг все равно усиливал его эмоции, слегка разжигая свойственное Флогу чувство верности. Избыток предосторожности не помешал еще никому.

— Милорд? — Флог бросил взгляд на зал позади них. — Они все здесь, милорд. Вы готовы?

Не отводя взгляда от заходящего солнца, Винстинг прижал палец к губам, призывая телохранителя к молчанию. Балкон особняка в Четвертом октанте Эленделя выходил на канал и центр города, так что отсюда открывался прекрасный вид на Поле

Перерождения. Длинные тени тянулись от изваяний Вознесшейся Воительницы и Последнего Императора посреди огромного зеленого луга, где, согласно причудливой легенде, их тела обнаружили вслед за Пепельным Катаклизмом и Последним Вознесением.

Прохладный бриз с залива Хэммондар, находившегося в двух милях к западу, лишь самую малость разбавлял спертый воздух. Кончиками пальцев Винстинг выбивал на перилах балкона дробь, терпеливо испуская волны алломантической силы, чтобы нужным образом изменить эмоции людей в зале позади себя. По крайней мере, тех, кто оказался достаточно глуп, чтобы не надеть шляпы с алюминиевой подкладкой.

«В любую секунду...»

Сначала в воздухе появились точки, похожие на следы булавочных уколов, затем за клубился туман, распространяясь, точно морозный узор по стеклу. Щупальца тянулись и завивались вокруг друг друга, превращались в потоки, в бурные реки, течения, вихрящиеся по всему городу. Они его окутывали. Поглощали.

— Туманная ночь, — заметил Флог. — Дурной знак, да-да.

— Не глупи, — поправляя шейный платок, отрезал Винстинг.

— Он следит за нами, — заупрямился телохранитель. — Туман — это Его глаза, милорд. Клянусь Разрушителем, да-да.

— Суеверная чушь. — Винстинг повернулся и

решительным шагом вошел к гостям.

Позади него Флог запер двери, прежде чем туман успел просочиться на вечеринку.

Собравшиеся в зале две дюжины людей — в сопровождении неизменных телохранителей — представляли собой избранную группу. Они были не просто важными — невзирая на нарочитые улыбки и бессмысленный светский треп, они к тому же пребывали сильно не в ладах друг с другом. Винстинг предпочитал созывать на подобные приемы соперников. Пусть поглядят друг на друга, и пусть каждый поймет, чего будет стоить проигрыш в соревновании за его благосклонность.

Винстинг прошелся среди гостей. К несчастью, многие и впрямь были в шляпах, чья алюминиевая подкладка защищала от эмоциональной алломантии, — хоть он и лично заверил каждого приглашенного, что никто не приведет с собой гасильщиков или поджигателей. При этом он, разумеется, ни словом не обмолвился о собственных способностях. Насколько всем было известно, Винстинг не обладал алломантическими способностями. Он огляделся, и взгляд его остановился на Бломе, который стоял за барной стойкой. Блом покачал головой. Никто другой не жег никаких металлов. Отлично.

Винстинг подошел к стойке, потом повернулся и вскинул руки, чтобы привлечь всеобщее внимание. Жест позволил продемонстрировать сверкающие бриллиантовые запонки на манжетах накрахмаленной белой рубашки. Оправа, разумеется, была деревянной.

— Леди и джентльмены, — провозгласил он, — добро пожаловать на наш маленький аукцион. Начинайте делать ставки прямо сейчас. Все закончится в тот момент, когда я услышу наиболее выгодное предложение.

Больше он ничего не сказал: лишняя болтовня испортила бы театральный эффект. Винстинг взял напиток, предложенный слугой, и сделал было шаг по направлению к гостям, но потом поколебался, окинув взглядом толпу.

— Эдварна Ладриана нет, — проговорил он негромко.

Винстинг отказывался называть этого человека дурацким прозвищем «мистер Костюм».

— Нет, — подтвердил Флог.

— Кажется, ты сказал, что прибыли все!

— Все, кто заранее сообщил о том, что прибудет, — уточнил Флог. Он переминался с ноги на ногу и явно чувствовал себя неуютно.

Винстинг поджал губы, но ничем другим не выдал своего разочарования. Он был совершенно уверен, что предложение вызовет у Эдварна интерес. Хотя возможно, Ладриан купил с потрохами какого-то другого повелителя преступного мира из тех, что присутствовали сейчас в зале. Об этом стоит поразмыслить.

Винстинг прошел к центральному столу, на котором был установлен самый ценный предмет этого вечера. Картина, изображавшая полулежащую женщину; Винстинг нарисовал ее сам, и у него

получалось все лучше.

Картина ничего не стоила, но сегодняшние гости все равно собирались предложить за нее огромные деньги.

Первым к Винстингу приблизился Даузер, руководивший большей частью контрабандных операций в Пятом октанте. Трехдневную щетину на его щеках укрывала тень от полей шляпы-котелка, которую он демонстративно не оставил в гардеробной. Ни симпатичная дама, которую он держал под руку, ни элегантный костюм не скрывали того, насколько этот Даузер грязный тип. Винстинг сморщил нос. Почти все его гости были презренным мусором, но другим хватало приличий хотя бы не показывать этого столь открыто.

— Уродлива, как грех, — разглядывая картину, проговорил Даузер. — Поверить не могу, что вы принуждаете нас торговаться из-за... этого. Слегка нахально, не так ли?

— Вы бы предпочли, чтобы я выразался со всей откровенностью, мистер Даузер? — спросил Винстинг. — Чтобы я объявил во всеуслышание: заплатите мне, и на целый год получите мой голос в Сенате?

Даузер огляделся по сторонам, словно ожидая, что в помещение вот-вот ворвутся констебли.

Винстинг улыбнулся:

— Обратите внимание на оттенки серого на ее щеках. Отражение пепельной природы жизни в мире до Пепельного Катаклизма, мм? Это лучшее из всего,

что я написал. У вас есть ставка? Начнем торг?

Даузер не ответил. В конце концов он сделает ставку. Каждый из находившихся в зале не одну неделю вел себя вызывающе, прежде чем согласиться на эту встречу. Половина из них — криминальные лорды, как Даузер. Другая половина — такие же аристократы, как Винстинг, благородные лорды и леди из влиятельных Домов, не уступавшие по безнравственности владыкам преступного мира.

— Вы не боитесь, Винстинг? — поинтересовалась женщина, цеплявшаяся за локоть Даузера.

Винстинг нахмурился. Он ее не знал. Стройная, с короткими золотисто-русыми волосами и взглядом лани, она была необычно высокого роста.

— Боюсь, моя дорогая? — переспросил Винстинг. — Людей в этом зале?

— Нет, — возразила она. — Того, что ваш брат узнает о... ваших делах.

— Заверяю, вас, Реплару в точности известно, кто я такой.

— Родной брат губернатора, — проговорила женщина, — и требует взятки.

— Если это вас на самом деле удивляет, моя дорогая, — со смехом заявил Винстинг, — то вы вели слишком изолированную жизнь. На этом рынке продавалась рыба куда крупнее меня. Когда придет следующий улов, возможно, вы сами все поймете.

Это замечание привлекло внимание Даузера. Винстинг улыбнулся — он будто услышал, как в голове криминального лорда словно со щелчком

сдвинулись шестеренки.

«Да, — подумал Винстинг, — я действительно только что намекнул, что мой брат собственной персоной может принять твою взятку».

Возможно, это заставит гостя увеличить ставку.

Винстинг подошел к слуге, чтобы выбрать на подносе креветки и пироги.

— Женщина, которую привел Даузер, — шпионка, — негромко сообщил он неизменно маячившему за спиной Флогу. — Возможно, работает на констеблей.

Флог вздрогнул:

— Милорд! Мы проверили и перепроверили каждого гостя.

— Значит, ее пропустили, — прошипел Винстинг. — Готов поставить на это все свое состояние. Проследи за ней после окончания встречи. Если по какой-нибудь причине расстанется с Даузером, позаботься о том, чтобы с нею приключился несчастный случай.

— Да, милорд.

— И, Флог... не надо с этим церемониться. Я не потерплю твоих попыток разыскать местечко, где туман не окажется свидетелем. Понятно?

— Да, милорд.

— Отлично.

И, широко улыбаясь, Винстинг направился к лорду Хьюзу Энтроуну, кузену и наперснику главы Дома Энтроун.

Винстинг потратил час на светское общение, и постепенно ставки начали расти. Некоторые гости

проявляли недовольство. Куда с большей охотой они сделали бы свои секретные предложения, встретившись с ним один на один, а потом опять исчезли бы в подбрюшье Эленделя. Как владыки преступного мира, так и аристократы предпочитали плясать вокруг да около, а не обсуждать тему напрямую. Но все же они делали ставки, и хорошие ставки. К концу первого тура по залу Винстингу пришлось приложить усилия, чтобы сдержать свое возбуждение. Ему больше не придется ограничивать себя в расходах. Если брат сумеет...

Выстрел раздался столь неожиданно, что Винстинг сначала решил, будто кто-то из слуг что-то сломал. Но нет. Щелчок был слишком резким, слишком громким. Раньше ему не доводилось слышать, как стреляют в помещении; он понятия не имел, насколько это оглушительно.

Разинув рот и выронив бокал, Винстинг завертел головой в поисках стрелявшего. Раздался еще один выстрел, потом еще. Разразилась настоящая буря, в которой все стреляли друг в друга, порождая какофонию смерти.

Не успел Винстинг позвать на помощь, как Флог схватил его за руку и потащил к лестнице, ведущей в убежище. Еще один его телохранитель привалился к двери, широко распахнутыми глазами глядя на кровавое пятно на своей рубашке. Винстинг слишком надолго задержал взгляд на умирающем, прежде чем Флог оторвал его от этого зрелища и вытолкнул на лестницу.

— Что происходит? — наконец выдавил Винстинг, когда охранник захлопнул за ними дверь и закрыл на ключ. Телохранители вели его вниз по лестнице, которую слабо освещали время от времени попадавшие электрические лампочки. — Кто стрелял? Да что творится?!

— Понятия не имею, — откликнулся Флог. Наверху все еще раздавались выстрелы. — Все случилось слишком быстро.

— Просто кто-то начал пальбу, — прибавил другой охранник. — Может, Даузер?

— Нет, это был Дарм, — возразил третий. — Я слышал, что первый выстрел раздался со стороны их компашки.

Так или иначе, произошла катастрофа. Там, наверху, Винстинг увидел, как его состояние умирает, истекая кровью на полу, и его уже мутило, когда они достигли конца лестницы и двери, похожей на дверь сейфа, за которую Флог и пропихнул своего хозяина.

— Я вернусь наверх, — сообщил Флог. — Погляжу, что можно спасти. Разберусь, кто это начал.

Кивнув, Винстинг закрыл дверь, запер ее изнутри. Устроился в кресле, чтобы ждать и волноваться. В маленьком бункере было вино и прочие удобства, но он не мог позволить себе отвлечься. Сидел и ломал руки. Что скажет брат? Ржавь! Что напишут в газетах? Ему придется как-то заткнуть всем рты...

В конце концов раздался стук в дверь, и Винстинг, прильнув к глазку, увидел Флога. Позади него наблюдал за лестницей небольшой отряд

телохранителей. Пальба как будто прекратилась, хотя отсюда выстрелы все равно казались лишь далекими хлопками.

Винстинг открыл дверь:

— Ну?

— Все мертвы.

— Все до единого?

— Никого не осталось, — входя в комнату, подтвердил Флог.

Винстинг тяжело опустился в кресло.

— Может, это хорошо, — проговорил он, пытаясь найти посреди этой мрачной катастрофы хоть проблеск света. — Никто не сможет нас к этому приплести. Может, мы сумеем просто ускользнуть. Как-то скрыть наши следы.

Пугающая задача. Дом принадлежит ему. Его имя припишут к этим смертям. Ему нужно алиби. Проклятье, он не справится без помощи брата! Это может стоить ему места в Сенате, даже если широкая публика так и не узнает, что случилось. Винстинг откинулся на спинку кресла, усталый и отчаявшийся.

— Ну? — спросил он. — Что ты думаешь?

Вместо ответа Винстинга схватили за волосы, оттянули голову назад и ловким движением перерезали обнажившееся горло.

«**П**олагаю, я должен что-то написать, — говорилось в маленькой книжке. — Рассказать о случившемся со своей точки зрения. Не с точки зрения историков, которые взяли на себя смелость говорить от моего имени. Сомневаюсь, что они все правильно поняли. Да и не думаю, что мне хотелось бы подобного».

Вакс постучал по книжке кончиком карандаша, потом сделал пометку на отдельном листе бумаги.

— Я вот думаю, не пригласить ли на свадьбу братьев Борс, — подала голос сидевшая на кушетке напротив Вакса Стерис.

Тот хмыкнул, не переставая читать:

«Знаю, Сэйз не одобряет того, что я сделал. Но чего еще он от меня ждал? Принимая во внимание все, что мне известно...»

— Братья Борс, — продолжала Стерис. — Они ведь твои знакомые?

— Я стрелял в их отца, — не отрываясь от книги, ответил Ваксиллиум. — Дважды.

«Я не мог позволить ей умереть. Это неверный ход. Считаю, что в гемалургии теперь нет ничего плохого. Разве Сэйз не взял на себя обе силы?»

Разрушителя с нами больше нет».

— Они могут попытаться тебя убить? — поинтересовалась Стерис.

— Борс Младший поклялся испить моей крови. Борс Третий — да-да, он брат Борса Младшего; не спрашивай... ну так вот, он поклялся... как бишь он сказал? Отгрызть мне пальцы на ногах? Малый умом не блещет.

«Мы можем ее использовать. Мы должны. Ведь должны же?»

— Ну что ж, тогда я включу их в список, — резюмировала Стерис.

Вакс со вздохом поднял глаза от книжки.

— Ты собираешься пригласить моих смертельных врагов, — сухо проговорил он, — на нашу свадьбу.

— Мы должны пригласить хоть кого-нибудь, — парировала Стерис.

Она сидела, разложив вокруг себя стопки связанных с организацией свадьбы бумаг, будто материалы судебного дела. Ее синее в цветочек платье выглядело модным, но ни в коей мере не выходило за грань дозволенного, а аккуратная шляпка прилегала к собранным в высокий пучок русым волосам плотно, словно прибитая гвоздями.

— Уверен, есть кандидатуры получше типов, которые хотят меня убить, — предположил Ваксиллиум. — Насколько я знаю, обычно приглашают членов семьи.

— Должна заметить, что оставшиеся в живых члены твоей семьи и впрямь хотят тебя убить.

Тут Стерис загнала его в угол...

— Ну, твои-то нет. По крайней мере, я о таком не слышал. Если надо собрать публику для свадебной вечеринки, пригласи побольше собственной родни.

— Я пригласила столько членов своей семьи, сколько позволяют приличия, — возразила Стерис. — И всех знакомых, которые заслуживают подобного внимания. — Она протянула руку к одной из стопок и вытащила лист бумаги. — А вот ты назвал мне всего лишь два имени для включения в список приглашенных. Уэйн и эта женщина, Ранетт, — которая, как ты заметил, скорее всего, не попытается пристрелить тебя на твоей же свадьбе.

— Очень маловероятно, — согласился Вакс. — Она не пыталась убить меня уже много лет. По крайней мере, не пыталась всерьез.

Стерис со вздохом отложила лист.

— Стерис... — начал Вакс. — Прости, я не хотел быть легкомысленным. С Ранетт все будет в порядке. Мы про нее шутим, но она хорошая подруга. Она не испортит свадьбу. Обещаю.

— Тогда кто испортит?

— Прошу прощения?

— Я с тобой знакома вот уже целый год, лорд Ваксиллиум. И готова принять тебя таким, какой ты есть, но у меня нет иллюзий: что-нибудь эдакое обязательно произойдет на нашей свадьбе. Ворвется какой-нибудь злодей, паля из пистолетов. Или мы обнаружим взрывчатку под алтарем. Или отец Бин необъяснимым образом окажется старым врагом,

который попытается тебя убить вместо того, чтобы совершить церемонию. Так будет! Я всего лишь пытаюсь подготовиться.

— Выходит, ты серьезно? — с улыбкой спросил Вакс. — Ты на самом деле собираешься пригласить одного из моих врагов, чтобы... спланировать срыв церемонии?

— Я рассортировала их по уровню угрозы и легкости доступа.

— Погоди-ка... — Вакс поднялся и подошел. Склонился, через плечо Стерис рассматривая бумаги. На каждом листе была детализированная биография. — Эйп Мэнтон... Парни Дашир... Ржавь! Рик Чужак. Я и забыл про него. Где ты все это достала?

— Твои деяния описаны в открытых источниках, — пояснила Стерис. — И общественный интерес к ним растет.

— Сколько времени ты на это потратила?

— Я старалась ничего не упустить. Подобные занятия помогают мне думать. А кроме того, хотела узнать, чему ты посвятил свою жизнь.

В некотором смысле это было мило. В том причудливом смысле, на какой способна только Стерис.

— Пригласи Дугласа Венчера, — предложил Вакс. — Мы своего рода друзья, но он не знает меры в выпивке. Можешь рассчитывать на то, что он устроит скандал во время вечеринки после церемонии.

— Отлично. А как быть с еще тридцатью семью вакантными местами с твоей стороны?

— Пригласи бригадиров швей и кузнецов, работающих на мой Дом. И главных констеблей разных октантов. Это будет красивый жест.

— Ладно.

— Если хочешь, чтобы я еще помог с планированием свадьбы...

— Нет, официальный запрос о проведении церемонии, который ты послал отцу Бину, был единственным заданием, которое полагается тебе по протоколу. С остальным я справлюсь — такая работа мне как раз по нраву. Тем не менее хотелось бы однажды узнать, что за книжечку ты читаешь так часто и так внимательно.

— Я...

Этажом ниже шумно открылась передняя дверь особняка, и кто-то затопал по лестнице. А миг спустя распахнулась дверь, и в кабинет ворвался Уэйн. Дэррианс, дворецкий, с виноватым видом маячил у него за спиной.

Жилистый, среднего роста, круглолицый и чисто выбритый, Уэйн, как обычно, был в дикоземной одежде, хотя Стерис успела по меньшей мере трижды демонстративно подарить ему новый костюм.

— Уэйн, ты бы мог время от времени пользоваться дверным звонком, — заметил Вакс.

— Не-а, от звонка прибегает дворецкий.

— Вообще-то, дворецкие для этого и существуют.

— Пронырливые маленькие засранцы, — отрезал Уэйн, закрывая дверь перед носом у Дэррианса. — Им нельзя доверять. Послушай, Вакс, нам пора! Меткий

Стрелок сделал свой ход!

«Наконец-то!» — подумал Вакс.

— Сейчас, только плащ прихватчу, — сказал он вслух.

Уэйн кивнул Стерис:

— Приветик, чокнутая!

— Привет, придурок, — отозвалась она, кивая в ответ.

Вакс застегнул пояс с оружием поверх отличного городского костюма с жилетом и шейным платком, потом накинул туманный плащ-пыльник.

— Идем, — сказал он, проверяя боеприпасы.

Уэйн ринулся к двери и сбежал вниз по лестнице.

Вакс приостановился у кушетки Стерис:

— Я...

— У мужчины должны быть хобби. — Она придвинула к себе стопку бумаг. — Я принимаю твое, лорд Ваксиллиум, но, пожалуйста, постарайся избежать ранения в лицо, поскольку этим вечером мы должны позировать для свадебных портретов.

— Я запомнил.

— И проследи там за моей сестрой, — прибавила Стерис.

— Это опасная погоня. Сомневаюсь, что Мараси будет вовлечена в нее.

— Такой вывод ставит под сомнение твои профессиональные способности. Это опасная погоня — следовательно, моя сестра во что бы то ни стало найдет способ в ней поучаствовать.

Вакс помедлил у двери. Обернулся — Стерис

подняла голову, встретив его взгляд. Казалось, в их расставании чего-то не хватало. Некоего пожелания удачи. Выражения нежности.

Стерис как будто это заметила, но ни она, ни Вакс ничего не сказали.

Вакс запрокинул голову, проглатывая порцию виски с металлическими частицами, потом выскочил за дверь и перепрыгнул через балконные перила. Замедлил свое падение, оттолкнувшись от серебряной инкрустации на мраморном полу вестибюля, и с грохотом приземлился. Дэррианс распахнул парадную дверь — лорд Ладриан выбежал, чтобы присоединиться к Уэйну в карете...

И застыл на ступеньках, ведущих на улицу.

— Это что еще за штука?

— Автомобиль! — объявил Уэйн с заднего сиденья транспортного средства.

Вакс застонал и, поспешно спустившись, приблизился к машине. За рулем в модном лавандового цвета платье с кружевами сидела Мараси. Она выглядела намного моложе своей сводной сестры Стерис, хотя их разделяло всего пять лет.

Теперь она была, в строгом смысле слова, констеблем. Помощницей главного констебля этого октанта. Мараси так и не объяснила Ваксу, почему решила отказаться от карьеры стряпчего и вступить в ряды констеблей, но, по крайней мере, ее наняли не в качестве патрульной, а в качестве аналитика и исполнительного ассистента. В этой роли она не должна была подвергаться опасности.

Но вот она здесь. Когда Мараси повернулась к лорду Ладриану, в ее глазах сверкнули искорки нетерпения:

— Ты собираешься садиться?

— Что ты тут делаешь? — поинтересовался Вакс, не без колебаний открывая дверцу.

— Веду машину. Ты бы предпочел, чтобы это делал Уэйн?

— Я бы предпочел карету и хорошую упряжку лошадей. — Вакс устроился на сиденье.

— Прекрати быть таким старомодным, — отрезала Мараси и, двинув ногой, заставила дьявольское устройство рвануться вперед. — Меткий Стрелок, как ты и предсказывал, ограбил «Первый союзный».

Вакс вцепился в сиденье. Он рассчитывал, что Меткий ограбит банк три дня назад. Когда же этого не произошло, решил, что бандит сбежал в Дикоземье.

— Капитан Редди думает, что Меткий Стрелок отправится в свое убежище в Седьмом октанте, — прибавила Мараси, объезжая карету, запряженную лошадьми.

— Редди ошибается, — возразил Вакс. — Поезжай в Глухомань.

Она не ответила.

Машина гудела и тряслась, пока они не добрались до недавно выложенной брусчатки. Здесь, на гладкой дороге, автомобиль наконец набрал скорость. Это была одна из последних моделей, о которых неустанно писали в газетах, — с резиновыми шинами и бензиновым двигателем.

Город постепенно преображался, чтобы дать место автомобилям.

«Столько неудобств — и лишь ради того, чтобы кто-то мог водить эти штуки», — с недовольством подумал Вакс.

Лошадям не требовалась столь ровная дорога. Впрочем, он был готов признать, что на поворотах машина вела себя отлично: Мараси продемонстрировала это, на полной скорости заехав за угол.

И все же это была жуткая безжизненная конструкция, нацеленная на разрушение.

— Тебя не должно здесь быть, — проговорил Вакс, когда Мараси снова повернула за угол.

Она не сводила глаз с дороги. Сидевший позади Уэйн наполовину высунулся из окна, придерживая шляпу и ухмыляясь.

— Ты училась на адвоката, — продолжал Вакс. — Ты должна работать в зале суда, а не гоняться за убийцами.

— Я уже доказала, что вполне могу о себе позаботиться. В прошлом ты не жаловался.

— Каждый раз это казалось исключением. И вот ты опять за свое.

Мараси что-то сделала с рычагом справа от себя, и машина метнулась туда-сюда, объезжая нескольких лошадей; какой-то всадник заорал им вслед. Для Вакса, который не знал, что Мараси переключила передачу, это стало полной неожиданностью. От быстрой смены направления его прижало к боковине

автомобиля, и он охнул.

— Да что с тобой творится в последнее время? — спросила Мараси. — Жалуешься на автомобиль, на то, что я здесь, на то, что утром тебе принесли слишком горячий чай. Прямо напрашивается вывод, что ты сделал некий ужасный жизненный выбор и сожалеешь о нем в глубине души. Что бы это могло быть...

Вакс уставился вперед. В зеркале заднего вида отразился Уэйн, который откинулся на спинку сиденья и вскинул брови:

— Возможно, она права, дружище.

— Ты ничуть не помогаешь.

— Я и не собирался, — парировал Уэйн. — И, к счастью, догадываюсь, о каком ужасном жизненном выборе она говорит. Ты точно должен был купить ту шляпу, что мы видели на прошлой неделе. Она была удачливая. У меня на такие вещи пятое чувство.

— Пятое? — переспросила Мараси.

— Ага, у меня же нюх отшибло напрочь. Я...

— Вон там! — перебил Ваксиллиум, подавшись вперед и глядя сквозь ветровое стекло.

Из примыкающей улицы показалась летящая высоко в воздухе фигура. Она опустилась на мостовую, потом снова оторвалась от земли и двинулась вдоль оживленной дороги, по которой ехала их машина.

— Ты был прав, — заметила Мараси. — Как ты узнал?

— Меткий Стрелок любит работать на публику, — ответил Вакс, вытаскивая Виндикацию из кобуры на

боку. — Воображает себя бандитом-джентльменом. Веди эту штуку ровно, если сможешь.

Не успела Мараси ответить, как Вакс распахнул дверцу и выпрыгнул наружу. Выстрелил вниз и, оттолкнувшись от пули, сиганул вверх. Алломантический толчок от проезжавшей мимо кареты заставил ее покачнуться и направил чуть в сторону, так что приземлился Вакс на деревянную крышу автомобиля Мараси. Схватился одной рукой за передний край крыши, другой поднял пистолет; ветер раздувал позади туманный плащ.

Меткий Стрелок скакал впереди по широкой улице, отталкиваясь с помощью стали. Вакс чувствовал успокоительное горение собственного металлического резерва. Оттолкнувшись от машины, он взлетел над дорогой. Меткий всегда совершал ограбления днем, всегда удирал по самой оживленной улице. Ему нравилось быть на виду. Вероятно, чувствовал себя непобедимым. Что ж, алломантия запросто могла вызвать у человека подобное ощущение.

Вакс запрыгал над машинами и каретами, между расположенными по обеим сторонам многоквартирными домами. Ветер в лицо, высота и перспектива очистили сознание и успокоили эмоции так же надежно, как это могло бы сделать прикосновение гасильщика. Тревога растаяла, и на некоторое время не осталось ничего, кроме погони.

Меткий Стрелок был в красном, лицо прикрывала старая маска уличного актера — черная с белыми

клыками, точно морда демона из Бездны из старых сказок. И если верить записной книжке, которую Вакс украл у дяди, был связан с Кругом. Большая часть информации в ней уже, конечно, устарела, но кое-какие сведения еще могли пригодиться.

Меткий неся к промышленному кварталу — Вакс не отставал. Удивительно, насколько безопаснее он себя чувствовал, когда летел по воздуху, в сравнении с заточением в одной из этих жутких моторизированных коробок.

Меткий Стрелок развернулся в полете и выбросил горсть монет. Вакс оттолкнулся от фонарного столба и рванулся в сторону, потом толкнул монеты Меткого, уводя их от случайно подвернувшегося автомобиля. Тот все равно свернул в сторону, к каналу, — видимо, шофер потерял управление.

«Ржавь и Разрушитель», — с досадой подумал Вакс, снова отталкиваясь в сторону машины.

Зачерпнул из метапамяти, в двадцать раз увеличив вес, и опустился на капот автомобиля. Точнее, рухнул.

От удара переднюю часть машины вдавило в землю, она заскрежетала о брусчатку, замедлилась и остановилась прежде, чем успела свалиться в канал. Мельком глянув на изумленные лица сидевших в машине людей, Вакс отпустил метапамять и, оттолкнувшись алломантией, снова бросился в погоню. Он чуть не потерял свою цель, — к счастью, красный наряд бандита выделялся отчетливо. Вакс заметил, как он запрыгнул на низкое здание, а потом взлетел вдоль стены одного из городских небоскребов.

Вакс ринулся следом и увидел, как Меткий с помощью стального отталкивания влетел в окно двенадцатого или четырнадцатого этажа.

Окна будто смазались, превратившись в расплывчатые пятна, когда Вакс взмыл в небо. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простирался Элендель, из бесчисленных труб угольных электростанций, фабрик и домов над городом поднимался дым. Приземлившись на каменный карниз слева от окна, которым воспользовался бандит, Вакс бросил монету.

Та ударилась о стекло и отскочила. Из окна выстрелили. Вакс увеличил вес, выбил соседнее окно и проник в здание. Проехался по битому стеклу и вскинул Виндикацию, направляя ее на тонкую стену, которая отделяла его от Меткого.

Прозрачные голубые лучи указывали на множество источников металла: гвозди в столе, за которым спрятался испуганный человек в костюме, провода в стенах, ведущие к электрическим лампам. Что всего важнее, несколько бледных лучей — препятствия ослабляли алломантическое чувство Вакса — уходило в стену соседней комнаты.

Один из этих лучей дрогнул, когда кто-то там, за стеной повернулся и, видимо, поднял пистолет. Вакс повернул барабан Виндикации и установил нужное гнездо.

Туманный патрон.

Выстрелил, а потом толкнул, разжигая металл и заставляя пулю лететь вперед со всей силой, на какую только был способен. Пуля пробила стену, словно

картонку.

Нечто металлическое в соседней комнате, похоже, упало на пол. Увеличив вес, Вакс бросился на стену, и на штукатурке появились трещины. Еще один удар плечом пробил ее насквозь, и Вакс ввалился в соседнюю комнату, держа оружие наготове и высматривая свою мишень.

Но там нашлась лишь лужа крови на ковре и брошенный пистолет-пулемет. По всей видимости, это был кабинет какого-то чиновника. Несколько человек, мужчин и женщин, дрожали, прижавшись к полу. Одна женщина подняла палец, указывая на дверь. Кивнув, Вакс на полусогнутых прокрался вдоль стены и осторожно выглянул наружу.

Прямо на него по коридору с болезненным скрежетом двигался сейф. Вакс убрался с дороги, а когда сейф пролетел мимо, выскочил в коридор и прицелился.

Его пистолет немедленно рванулся назад. Вакс вцепился в Виндикацию обеими руками, но следующий алломантический толчок вырвал из кобуры второй пистолет. Ноги начали скользить, пистолет тянул назад, и Вакс, зарывав, наконец-то выпустил Виндикацию. Та закувыркалась вдоль коридора и влетела в покореженные останки врезавшегося в стену сейфа. Придется за ней вернуться, когда все закончится.

Подсвеченный тускловатыми электрическими лампами, в другом конце коридора стоял Меткий Стрелок. Рана на его плече кровоточила, лицо по-

прежнему скрывала черно-белая маска.

— В этом городе тысячи преступников намного хуже меня, — раздался приглушенный маской голос, — но ты охотишься именно за мной, законник. Почему? Люди считают меня героем.

— Ты перестал быть им несколько недель назад. — Шурша туманным плащом, Вакс решительно двинулся вперед. — Когда убил ребенка.

— Это произошло не по моей вине.

— Ты нажал на спусковой крючок, Меткий. Может, ты и не целился в девочку, но все же сделал тот выстрел!

Вор попятился. Сумка на его плече порвалась — не то из-за пули Вакса, не то из-за какого-то шального осколка. Из нее посыпались банкноты.

Меткий вперил в законника сердитый взгляд — в электрическом свете глаза были едва различимы в прорезях маски. Потом бросился в сторону и, держась за плечо, вбежал в другую комнату. Оттолкнувшись от разломанного сейфа, Вакс полетел по коридору. Притормозил возле двери, за которой скрылся Меткий, затем оттолкнулся от светильника позади себя, невольно погнув его, и скользнул в помещение.

Окно было распахнуто настежь. Вакс сгреб со стола пригоршню ручек с металлическими перьями и прыгнул наружу. Меткий камнем летел вниз, оставляя за собой шлейф из порхающих банкнот. Пытаясь ускорить падение, Вакс увеличил вес, но это почти не помогло преодолевать сопротивление воздуха, потому что отталкиваться было не от чего. Меткий все-таки

приземлился первым.

Нескольких брошенных ручек, которые Вакс толкнул перед приземлением, едва хватило, чтобы замедлить падение.

Меткий запрыгал прочь, отталкиваясь от фонарных столбов. На его теле не было металла, который Вакс мог бы засечь, но двигался он гораздо медленнее, чем раньше, и оставлял за собой кровавый след.

Вакс помчался за ним. Меткий Стрелок наверняка направлялся в Глухомань — трущобу, где ему помогут скрыться. Жителей Глухомани не смущало, что его грабежи теперь сопровождались насилием; главным для них было, что Меткий ворует у тех, кто этого заслуживал.

«Нельзя, чтобы он добрался до убежища», — подумал Вакс, отталкиваясь от фонарного столба — тот погнулся, — чтобы набрать скорость.

Жертва бросила лихорадочный взгляд через плечо, проверяя, не отстал ли законник. Вакс поднял одну из ручек, прикидывая, насколько рискованным будет попытаться попасть Меткому в ногу. Он не хотел убивать грабителя. Тот знал кое-что важное.

Трущобы были уже совсем близко.

«Во время следующего прыжка», — решил Вакс, крепче сжимая ручку.

Зеваки на тротуарах глазели на алломантическую погоню, и сохранялась опасность угодить в одного из них. Лучше...

В толпе мелькнуло знакомое лицо.

От неожиданности Вакс утратил контроль над алломантией. Потрясенный увиденным, он едва не переломал себе кости, ударившись о мостовую и перекатившись по брусчатке; ленты туманного плаща обвилились вокруг тела.

Вакс заставил себя подняться на четвереньки:

«Нет. Невозможно. НЕТ!»

Он бросился через улицу, не заметив, что едва не попал под копыта черного жеребца, — всадник выругался.

Это лицо. Это лицо!

В последний раз Вакс видел этого человека, когда выстрелил ему в лоб. Кровавый Тэн.

Тот, кто убил Лесси.

— Здесь был человек! — крикнул Вакс, прорываясь сквозь толпу. — С длинными пальцами и редкими волосами. Голова, будто голый череп. Вы его видели? Его кто-нибудь видел?

Люди смотрели на него как на помешанного. Возможно, он и впрямь помешался. Вакс прижал руку к виску.

— Лорд Ваксиллиум?

Он резко повернулся. Мараси остановила автомобиль, и они с Уэйном выбирались наружу. Неужто она и впрямь сумела не отстать во время погони? Нет... конечно нет, он же сам ей сказал, куда — по его предположениям — должен отправиться Меткий Стрелок.

— Вакс, дружище, ты в порядке? — спросил Уэйн. — Что он сделал? Как-то сбил тебя в полете?

— В некотором роде, — пробормотал Вакс, оглядевшись по сторонам в последний раз.

«Ржавь, — подумал он. — От напряжения у меня мозги набекрень».

— Так он удрал, — с недовольным видом скрестив на груди руки, констатировала Мараси.

— Ни в коем случае, — ответил Вакс. — Он истекает кровью и сыплет деньгами. За ним остался след. Идемте.

- Когда мы войдем в трущобы, ты должна оставаться в машине, — произнес Уэйн нарочито мрачным и торжественным тоном. — Дело не в том, что мне не нужна твоя помощь. Нужна. Просто для тебя это слишком опасно, поэтому ты останешься там, где, как я уверен, тебе ничего не будет угрожать. Это не обсуждается. Прости.

— Уэйн, — окликнул Вакс, — прекрати разговаривать со своей шляпой и иди сюда.

Уэйн тяжело вздохнул, похлопал шляпу и с видимым усилием положил ее на сиденье автомобиля. Вакс был малый что надо, но кое в чем не разбирался. К примеру, в женщинах. И в шляпах.

Вакс и Мараси разглядывали Глухомань. Перед ними будто открылся совсем другой мир. Небо над улицами перечеркивали веревки для сушки белья — бесхозные предметы одежды болтались на них, точно висельники. Из Глухомани дул ветер, с радостью удирая оттуда и принося с собой неоднозначные запахи. Наполовину приготовленной еды. Наполовину вымытых тел. Наполовину очищенных улиц.

Стоявшие вплотную друг к другу высокие многоквартирные дома отбрасывали густые тени даже

в полдень. Складывалось впечатление, что закат приходил сюда выпить и поболтать, прежде чем неторопливой походкой отправиться на вечернее дежурство.

— Лорд Рожденный Туманом не хотел, чтобы в городе были трущобы, — сказала Мараси, когда они втроем вошли в Глухомань. — Он отчаянно пытался предотвратить их появление. Строил для бедняков красивые дома, которые должны были простоять долго...

Вакс кивнул, на ходу машинально гоня монету по костяшкам пальцев. Уэйн пригляделся. Похоже, Вакс где-то потерял пистолеты. А монеты наверняка у Мараси одолжил. Извечная несправедливость. Когда Уэйн одалживал у кого-то монеты, на него орали. Правда, он иногда забывал попросить разрешения, зато всегда оставлял взамен что-нибудь хорошее.

«Нужна подходящая шляпа... — подумал он. — Шляпа — это важно».

Уэйн отстал от своих спутников и прислушался, не раздастся ли где-нибудь кашель.

«Ага...»

Этот старик угнезвился на крыльце, укрыв ноги старым грязным одеялом. В трущобах полно таких людей. Они цепляются за жизнь с отчаянием, словно висят на карнизе, и легкие у них наполовину заполнены разными нездоровыми жидкостями. Старик снова заперхал, прижимая ко рту руку в перчатке, когда Уэйн присел на ступеньки рядом.

— Ну чего ищцо? — проговорил трущобный

житель. — Ты кто вообще?

— Ну чего ищцо? — повторил Уэйн. — Ты кто вообще?

— Я-то никто. — Старик сплюнул в сторону. — А ты грязный чужак. Я не при делах.

— Я-то никто, — повторил Уэйн, доставая из кармана пыльника флягу. — А ты грязный чужак. Я не при делах.

А хороший говор, весьма хороший. Бормочущий, классический и выдержанный, овеванный историей. Закрывая глаза и прислушиваясь, Уэйн подумал о том, что именно так говорили люди много лет назад. Он протянул старику фляжку с виски.

— Травить меня пытаисси? — спросил бедолага. Он не договаривал слова, пропускал половину звуков.

— Травить меня пытаисси? — повторил Уэйн, работая челюстью, будто стараясь прожевать полный рот камней.

В эту смесь, несомненно, затесались кое-какие северные фермерские поля. Он открыл глаза и снова предложил виски старику, который понюхал угощение и сделал осторожный глоточек. Потом глоток побольше. Потом хлебнул как следует.

— Это самое, — проговорил старик. — Ты, сталбыть, идиот? У меня сын — идиот. Настоящий, таким и уродился. Ну, ты все равно парень что надо.

— Ну, ты все равно парень что надо, — повторил Уэйн, вставая.

Протянул руку, снял с головы старика старую полотняную кепку, жестом указывая на фляжку с

виски.

— На обмен? — спросил трущобный житель. — Парень, да ты и впрямь идиот!

Уэйн надел кепку:

— Вы не могли бы произнести для меня какое-нибудь слово, которое начинается с «а»?

— А?

— Чудесно, ржавь меня побери! — восхитился Уэйн.

Он спрыгнул с крыльца обратно на улицу и засунул в какую-то щель свой пыльник. К сожалению, там же пришлось спрятать и дуэльные трости. Но деревянные кастеты оставил при себе.

Под пыльником на Уэйне была дикоземная одежда, которая не сильно отличалась от той, что носили жители этих трущоб. Рубашка на пуговицах, брюки с подтяжками. Он на ходу закатал рукава. Вещи были поношенные, с заплатами в нескольких местах. Он бы не обменял их ни за что на свете. Понадобились годы, чтобы заполучить одежду, которая выглядела как надо. Так, словно ее использовали, словно в ней жили.

Не стоит безоговорочно доверять человеку в слишком новом наряде. Честный трудяга не носит новую, чистую одежду.

Вакс и Мараси остановились впереди и беседовали с какими-то пожилыми женщинами с шальями на голове и тюками в руках. Уэйн почти слышал, о чем речь.

«Мы ничего не знаем».

«Он пробежал здесь всего-то несколько секунд назад, — должен был сказать Вакс. — Вы ведь...»

«Мы ничего не знаем. Мы ничего не видели».

Наверняка все так и было. Поэтому Уэйн поплелся туда, где под грязным полотняным навесом четверо мужчин ели помятые фрукты.

— Что за чужаки? — спросил он, присаживаясь рядом и используя говор, который только что позаимствовал у старика.

Его даже не заподозрили. В подобных трущобах столько людей, что знать всех в лицо невозможно, зато легко определить, свой перед тобой или чужой. Уэйн был своим.

— Точно копы, — заявил житель трущоб, чья безволосая и на удивление плоская голова походила на перевернутую миску.

— Они кого-то ищут, — прибавил другой. Ржавь и Разрушитель, а у этого малого лицо было, наоборот, таким заостренным, что можно поле вспахать! — Копы сюда приходят, только если хотят кого-нибудь арестовать. А вообще им плевать на нас, и так будет всегда.

— Окажись оно иначе, — подхватил Мискоголовый, — они бы чего-нить придумали с этими фабриками и липистрическими станциями, которые сыплют пепел на наши головы. Мы ведь не должны больше жить посреди пепла. Гармония так сказал, да-да.

Уэйн кивнул. Не в бровь, а в глаз. Стены здешних зданий и впрямь были покрыты пеплом. Есть ли

людям снаружи до этого дело? Нет. Нет, ведь им-то не приходилось здесь жить. Размышляя, Уэйн не упускал из виду Вакса и Мараси, а также сердитые взгляды, которые эти двое притягивали к себе, — взгляды тех, кто успел с ними разминуться, и тех, кто закрывал окна прямо у них над головой.

«Так не пойдет, — подумал Уэйн. — Надо будет потом поговорить с Ваксом на эту тему».

— Они и впрямь кого-то ищут, — сказал он вслух.

— Не лезь в это дело, — посоветовал Мискоголовый.

— Может, речь о деньжатах... — проворчал Уэйн.

— Ты бы сдал кого-то из наших? — хмуро поинтересовался Мискоголовый. — Я тебя узнал. Ты ведь сын Идипа?

Уэйн отвел взгляд, уклоняясь от ответа.

— Слушай сюда, сынок. — Мискоголовый погрозил пальцем. — Не доверяй копам и не вздумай становиться крысой!

— Я не крыса! — возмутился Уэйн. Он и впрямь таким не был! Но любой человек время от времени нуждается в наличке. — Они пришли за Метким. Я подслушал их разговор. За его голову дают тысячу банкнот.

— Он здесь вырос, — напомнил Плуголицый. — Он свой.

— Он же девочку убил, — возразил Уэйн.

— Вранье, — отрезал Мискоголовый. — Только попробуй пойти и поговорить с копами, сынок. Я тебя предупредил.

— Ладно, ладно, — приподнимаясь, буркнул Уэйн.
— Пойду-ка я...

— Сядь! — рывкнул Мискоголовый. — Или я тебя чем-нибудь по башке стукну. Ой, стукну!

Уэйн со вздохом уселся обратно:

— Вы, старички, вечно о наших делах трывдите, а сами не знаете, каково сейчас работать на фабрике...

— Мы знаем больше, чем вы думаете, — парировал Мискоголовый, протягивая Уэйну помятое яблоко. — Съешь это, не лезь в неприятности и держись там, где я могу тебя видеть.

Ворча что-то себе под нос, Уэйн начал грызть яблоко, которое оказалось не таким уж плохим. Уэйн угостился еще парочкой.

Долго ждать не пришлось. Поедатели фруктов вскоре разошлись, оставив корзину огрызков. На прощание они обменялись дружелюбными насмешками, и каждый из четверки заявил, что у него важные дела.

Сунув по яблоку в каждый карман, Уэйн поднялся и потрусил следом за Мискоголовым. Без особого труда пристроился у него в хвосте, время от времени кивая всем встречным, которые кивали в ответ, будто бы узнавая. Все из-за шляпы. Надень чужую шляпу, окружи себя чужими мыслями — и вот уже ты не ты.

Мимо прошел мужчина в одежде докера, ссутулившись и насвистывая печальную мелодию. Уэйн ее запомнил. Тяжела жизнь у тех, кто работает в доках. Каждый день приходится мотаться туда-сюда по каналу на лодках, а то и ночевать под открытым

небом прямо на берегу залива, где шансы наткнуться на нож или позавтракать примерно равны.

Уэйн знал об этом не понаслышке — успел хлебнуть в юности. У него и шрамы имелись в доказательство, да-да. Однако с возрастом мужчине хочется чего-то большего, чем драки на каждом углу и женщины, которые на следующее утро не могут вспомнить твое имя.

Мискоголовый нырнул в переулок. М-да, здешние улицы, ржавь их побери, все, как одна, похожи на переулки. Мискоголовый вошел в переулок посреди другого переулка. Уэйн приблизился к узенькому проему между домами и зажег темпосплав. Алломантия — полезная штука, тут уж не поспоришь. Загоревшийся металл создал вокруг него милый маленький пузырь ускоренного времени. Не покидая пузыря, Уэйн повернул за угол; пузырь не двигался вместе с Уэйном, но внутри его можно было перемещаться.

Ага. Вот и он, Мискоголовый, собственной персоной — за кучей мусора на самой границе пузыря. Спрятался и следит, не идет ли кто следом. Сделай Уэйн временной пузырь хоть чуточку больше, туда угодил бы и трущобный житель.

«Какая небрежность», — мысленно обругал себя Уэйн.

В доках подобная ошибка могла стоить жизни. Он вытащил из кучи мусора драное одеяло, вернулся за угол и сбросил пузырь.

Внутри пузыря Уэйн двигался так быстро, что

Мискоголовый в лучшем случае мог разглядеть расплывчатое пятно — или вообще ничего. Уэйн не сомневался, что его не заметили. А иначе он бы съел свою шляпу. Ну, по крайней мере, одну из шляп Вакса.

Присмотрев подходящее крыльцо, Уэйн уселся, натянул на лицо кепку, привалился поудобнее к стене и накрылся одеялом. Просто еще один бездомный пьяница...

Мискоголовый был осторожен. Прежде чем выбраться наружу, он прождал в переулке целых пять минут, огляделся по сторонам и только потом поспешил к дому на другой стороне улицы. Постучался, что-то прошептал — его впустили.

Зевнув, Уэйн потянулся и отбросил одеяло. Пересек улицу, подошел к дому, в котором скрылся Мискоголовый, и начал проверять окна с запертыми ставнями. Настолько древними, что, казалось, могли слететь с петель от хорошего чиха. Остерегаясь заноз, Уэйн прижимался щекой то к одному, то к другому окну в надежде расслышать, о чем говорят внутри. Наконец повезло:

— ...Копы, никаких сомнений, — раздалось за очередным окном. — Тысяча банкнот — это много, Меткий. Очень много. Нет, я не намекаю, что парням нельзя доверять; во всей компашке — ни единого дурного сплава. Но вот что я скажу: маленькое поощрение показало бы им, что верность — это и впрямь хорошо.

Странные, однако, у трущобных жителей

представления о морали. Своего они бы не выдали констеблям даже за хорошее вознаграждение. Но, как ни крути, кушать хочется. И потом, разве человек вроде Меткого Стрелка не захочет узнать, насколько верные у него друзья?

Крысятничать на друга — ни в какие ворота не лезет.

Вымогать у друга — ну, это просто хорошая деловая хватка.

А если Меткий Стрелок окажется неблагодарным, то, возможно, он и не был настоящим другом. Уэйн ухмыльнулся и надел на пальцы деревянные кастеты. Чуть отошел, а потом ворвался в дом.

Ударив в ставни плечом, пробил насквозь — и в тот момент, когда повалился на пол, поднял скоростной пузырь. Перекатился и вскочил на ноги перед Метким, который оказался внутри пузыря. Бандит все еще был в красных брюках, хотя и без маски, и как раз перевязывал себе плечо. Вздвогнув от неожиданности, он вскинул голову, продемонстрировав изумленную физиономию с кустистыми бровями и широкими губами.

Ржавь! Неудивительно, что парень обычно носит маску.

Уэйн уложил его одним ударом в челюсть. Потом развернулся, вскинув кулаки, но с полдюжины прочих обитателей комнаты, включая Мискоголового, застыли прямо за границей скоростного пузыря. Повезло так повезло.

Уэйн с ухмылкой взвалил Меткого Стрелка на

плечо. Снял кастеты, сунул в карман и достал яблоко. Смачно откусил, помахал на прощание Мискоголовому — который глядел прямо перед собой стеклянными глазами, — потом выкинул Меткого в окно и выскочил следом.

Как только Уэйн пересек границу скоростного пузыря, тот автоматически схлопнулся.

— Это что еще за шутки?! — завопил Мискоголовый.

Снова взвалив на плечо Меткого, который все еще был без сознания, Уэйн, откусывая на ходу яблоко, неспешно двинулся в обратный путь.

— Давай я поговорю со следующими, — предложила Мараси. — Может, у меня получится.

Она чувствовала на себе взгляд Ваксиллиума. Наверняка думает, будто она пытается что-то ему доказать. Раньше оно так и было. Теперь же она констебль — полноправный, на службе у городских властей. Это ее работа. Ваксиллиум был не согласен с подобным выбором, но ее действия не нуждались в его одобрении.

Вместе они подошли к компании сидевших на ступеньках юных бродяг. Трое мальчишек наблюдали за чужаками с подозрением; кожа у них была серая, слишком просторная одежда подвязана на талии и лодыжках. Похоже, так одевались все здешние юнцы. Дым из их трубок отдавал ладаном.

Мараси приблизилась:

— Мы кое-кого ищем.

— Если тебе нужен мужчина, — окинув ее оценивающим взглядом, откликнулся один мальчишка, — то вот он я.

— Ох, умоляю, — ответила Мараси. — При чем тут ты и твои девять...

— Эге-гей, она знает мой размерчик! — перебил юнец, смеясь и хватая себя за пах. — Вы за мной подглядывали, леди?

«Вот так румянец, — подумала Мараси. — Ну просто жуть как профессионально».

К счастью, она провела много времени рядом с Уэйном и привыкла к его цветистым метафорам. Ну подумаешь, покраснела. Мараси продолжила гнуть свою линию:

— Он примчался сюда меньше часа назад. Раненый, истекающий кровью, одетый в красное. Уверена, вы знаете, о ком я говорю.

— Ага, человек-из-часов! — заржал другой мальчишка, намекая на персонажа старой сказки. — Я его знаю!

«Относись к ним как к враждебно настроенным свидетелям на суде, — сказала себе Мараси. — Пусть говорят».

Надо учиться работать с людьми вроде этих мальчиков в реальном мире, а не в стерильной атмосфере аудитории.

— Да, человек-из-часов, — согласилась она. — Куда он направился?

— На край сумерек. Разве ты не слышала эту историю?

— Я люблю истории. — Мараси достала из бумажника несколько монет и продемонстрировала мальчишкам.

Дать взятку — все равно что сжульничать, но... она ведь на самом деле не в суде.

Мальчишки уставились на монеты, и в их глазах внезапно блеснул голод. Впрочем, они тут же его скрыли. М-да, вероятно, показывать деньги в подобном месте было не самым мудрым решением.

— Давайте-ка послушаем историю, — продолжила Мараси. — О том, где этот... человек-из-часов мог найти убежище. Где расположены сумерки, говоря вашим языком. В каком именно из домов.

— Может, мы и знаем... — протянул третий мальчик. — Но, понимаете, истории дорого стоят. Больше, чем вы предлагаете.

Позади что-то звякнуло. Это Ваксиллиум тоже достал несколько монет. Мальчишки уставились на них с нетерпением, но тут законник подбросил одну в воздух и толкнул алломантией так, что она скрылась из виду.

Мальчишки замерли.

— Поговорите с леди, — негромко, но твердо велел Ваксиллиум. — Хватит тратить наше время.

Беспризорники кинулись врассыпную, явно не желая иметь дело с алломантом.

— Это было весьма любезно, — скрестив на груди руки, заметила Мараси. — Огромнейшее спасибо.

— Они бы тебе солгали, — ответил Ваксиллиум, бросив взгляд через плечо. — И мы привлекали

ненужное внимание.

— Я понимала, что они собираются лгать. И собиралась поймать их на лжи. Атаковать чью-то фальшивую историю — такая стратегия допроса нередко оказывается самой удачной.

— Вообще-то, наилучшая стратегия допроса подразумевает выдвигать ящик и чьи-то пальцы.

— Вообще-то, — парировала Мараси, — это совсем не так. Исследования показали, что насилие во время допроса почти всегда ведет к получению негодных сведений. Так или иначе, что с тобой сегодня приключилось, Ваксиллиум? Я вдруг поняла, что в последнее время ты будто напоказ ведешь себя как суровый дикоземный законник...

— Ничего подобного.

— Но это правда. И я понимаю, в чем дело. В Дикоземье ты изображал из себя законника-джентльмена. Сам говорил, что держался за признаки цивилизации, чтобы она следовала за тобой. А здесь тебя все время окружают лорды. Ты практически захлебываешься в цивилизации. И поэтому тебя потянуло к образу «дикоземного законника» — чтобы привнести немного старомодного правосудия в жизнь этого города.

— О, ты проницательна! — Ваксиллиум отвернулся, окидывая взглядом улицу.

«Ржавь и Разрушитель! Он считает, что я влюблена в него до безумия. Высокомерный, грубый... придурок!» Мараси фыркнула и решительно двинулась прочь.

И ничего она не влюблена. Он четко дал понять, что между ними ничего не может произойти, и он помолвлен с ее сестрой. Вот и все. Разве у них теперь не может быть профессиональных отношений?

На крыльце ближайшего здания прохладился Уэйн — наблюдал за ними и небрежно грыз яблоко.

— А ты где был? — подойдя к нему, спросила Мараси.

— Яблочко? — предложил Уэйн. — Чуток битое.

— Нет, спасибо. Кое-кто из нас пытался разыскать убийцу, а не еду.

— А-а, это... — Уэйн пнул что-то на земле перед собой, скрытое в тени крыльца. — Ну да, я о нем позаботился ради вас.

— Ты позабо... Уэйн, у твоих ног лежит человек! Ржавь! У него кровь течет!

— Ну еще бы! Только это отнюдь не по моей вине. Но вот по башке я его стукнул, да.

Мараси прижала руку ко рту. Это ведь... Меткий Стрелок!

— Уэйн, где... как...

Ваксиллиум мягко отодвинул ее в сторону; Мараси и не заметила, как он оказался рядом. Присел, изучил рану Меткого. Потом посмотрел на Уэйна и кивнул. Этот безмолвный диалог Мараси наблюдала уже не раз; взгляд Ваксиллиума означал нечто среднее между «Хорошая работа» и «Ну ты конченный мерзавец, я же хотел все сделать сам!».

— Надо отнести его в участок, — сказал законник, поднимая бездыханного бандита.

— Отлично, — согласилась Мараси. — Но ты разве не собираешься спросить, как он это сделал? Где побывал?

— У Уэйна свои методы. И в таком месте, как это, они куда действеннее моих собственных.

— Ты знал, — проговорила Мараси, наставив палец на Ваксиллиума. — Ты знал, что наши расспросы ни к чему не приведут!

— Подозревал, — уточнил Ваксиллиум. — Но чтобы Уэйн мог пустить в ход эти свои методы, ему нужно дать волю...

— ...раз я такой потрясающий, — ввернул Уэйн.

— ...и поэтому я изо всех сил старался отыскать Меткого Стрелка своими силами...

— ...раз уж он не может смириться с тем, насколько я в таких делах круче его самого...

— ...если вдруг у Уэйна не получится.

— Чего еще ни разу не было. — Уэйн ухмыльнулся, откусил от яблока и, спрыгнув с крыльца, зашагал рядом с Ваксиллиумом. — Если не считать того раза. И еще одного раза. Но эти два раза не считаются, потому что я достаточно часто получал по башке, чтобы их напрочь забыть.

Мараси подавила вздох и ускорила шаг, чтобы догнать эту парочку. Они так много пережили вместе, что действовали сообща подсознательно, как два танцора, которые выходили на сцену бесчисленное множество раз. От этого новичку, пытавшемуся выступить вместе с ними, приходилось ой как несладко.

— И все же, — не отставала от Уэйна Мараси, — ты мог бы хоть мне рассказать, что сделал. Может, я могла бы у тебя чему-нибудь научиться.

— Не-а. У тебя не получится. Ты слишком хорошенькая. Осмелюсь напомнить — не по моим меркам. Давай больше не будем водить хоровод вокруг этого дерева.

— Уэйн, иногда я от тебя в полной растерянности.

— Только иногда? — поинтересовался Ваксиллиум.

— Ну не могу же я обрушить на нее всю силу своего таланта, дружище. — Уэйн сунул большие пальцы за подтяжки. — Надо и для всех прочих приберечь чуток. Я его распределяю, невзирая на привилегии, класс, пол или умственные способности. Я святой, ржавь меня побери, да-да.

— Но как?! — не унималась Мараси. — Как ты его нашел? Разговорил кого-то из местных?

— Не-е-ет. Заставил их держать рот на замке. Это у них получается куда лучше. Опыт — всему голова.

— Вот бы тебе у них поучиться, — прибавил Ваксиллиум.

Мараси вздохнула. Они приближались к выходу из Глухомани. Человеческий мусор, ранее облепивший лестницы и переулки, растаял, — возможно, внимание нескольких законников показалось здешним обитателям чересчур неприятным. Это...

Ваксиллиум застыл. Уэйн последовал его примеру.

— Что... — начала было Мараси, но Ваксиллиум вдруг бросил Меткого Стрелка и потянулся к карману

своего туманного плаща.

Ударом плеча Уэйн оттолкнул в сторону Мараси, и что-то со свистом прилетело с неба, ударившись о плиты мостовой в том месте, где они стояли мгновение назад. Потом прилетели и другие снаряды, хотя Мараси на самом-то деле за ними не следила. Она позволила Уэйну оттащить себя в относительное убежище за угол здания, откуда потом оба осторожно выглянули, пытаясь понять, откуда стреляли. Ваксиллиум бросил монету и взлетел, превратившись в темный вихрь колышущихся лент туманного плаща. В такие моменты в нем просыпалось нечто древнее и он делался похожим на рожденного туманом из старых легенд. Переставал быть слугой закона и становился осколком самой ночи, который явился забрать то, что ему причитается.

— Ох, проклятье... — Уэйн кивком указал на Меткого Стрелка.

Из безвольно лежавшего посреди улицы тела теперь торчало деревянное древко.

— Стрела? — спросила Мараси.

— Арбалетный болт. Не видел их уже много лет. Вообще-то, они нужны только для сражений с алломантами.

Уэйн поднял голову. Ваксиллиум за кем-то гнался, направляясь к верхушке какого-то здания.

— Оставайся здесь, — приказал Уэйн и бросился вдоль переулка.

— Постой... — вскинула руку Мараси.

Но он уже исчез.

«Ох уж эти двое...» — с досадой подумала она.

Что ж, некто явно не хотел, чтобы Меткий попал к констеблям и рассказал о том, что знает. Возможно, арбалетный болт или сам труп сумеют ей о чем-то поведать.

Мараси присела рядом с мертвым телом и первым делом проверила, действительно ли умер бандит. А вдруг арбалетного болта для этого не хватило? К несчастью, Меткий Стрелок и впрямь испустил дух. Болт накрепко засел у него в голове. Кто же знал, что из арбалета можно вот так прострелить череп? Мараси покачала головой и запустила руку в сумочку, чтобы достать блокнот и записать, в каком положении лежит мертвец.

«А ведь убийце повезло, — подумала она. — Он так быстро удрал, что не мог знать наверняка, достиг ли удар цели. Если бы мне требовалось удостовериться, что Меткий больше никому ничего не скажет, я бы точно...»

Позади раздался щелчок.

«...вернулась и проверила».

Мараси медленно повернулась и увидела, как из переулка, наставив на нее арбалет, выходит мужчина в лохмотьях.

«Какой у него пронзительный взгляд...»

Дальнейшее произошло быстро. Не успела Мараси и шагу ступить, как незнакомец ринулся к ней. Выстрелил из арбалета через плечо — из переулка раздался вопль, очень похожий на голос Уэйна, — потом схватил попытавшуюся бежать Мараси.

Развернул и прижал к шее что-то холодное.

«Стеклянный кинжал!»

Окруженный развевающимися лентами туманного плаща, на землю опустился Ваксиллиум. В правой руке у него была монета, которую он потирал большим пальцем.

«Вспомни, чему тебя учили на отработке захвата заложников, женщина! — приказала себе Мараси. — В большинстве случаев к заложникам прибегают от отчаяния».

Может, воспользоваться алломантией? Она могла замедлить вокруг себя время, но для всех за пределами ее скоростного пузыря оно по-прежнему текло в нормальном темпе. Их с Уэйном силы были противоположными.

Но она не проглотила никакого кадмия. Вот дура! Друзья ни за что бы не сделали подобной ошибки. Пора прекратить стыдиться своих способностей, пусть они и слабые. Тем более, она уже не раз использовала их с толком.

Мужчина прерывисто дышал, его щека находилась настолько близко к ее щеке, что Мараси кожей чувствовала щетину на небритом лице.

«Люди, которые берут заложников, не хотят убивать, — лихорадочно размышляла Мараси. — Это не входит в их планы. Можно его заговорить, сказать что-нибудь утешительное, отыскать общность взглядов...»

Вместо этого она вытащила из сумочки руку, сжимавшую маленький однозарядный пистолет. Не

успев даже сообразить, что делает, Мараси прижала дуло к подбородку бандита, нажала на спусковой крючок...

И вышибла ему мозги.

Вакс опустил руку, уставившись на новый труп рядом с Мараси. Выстрелом незнакомцу снесло значительную часть лица. Опознать его будет почти невозможно.

Впрочем, к этому и шло. Тот факт, что приспешников Костюма было трудно выследить, отличался печальной известностью.

«Не стоит об этом тревожиться прямо сейчас», — подумал Ваксиллиум, вытаскивая носовой платок и протягивая его Мараси.

Ее лицо покрывали капли крови и частицы плоти. Пистолет выпал из руки. А широко распахнутые глаза смотрели не вниз, а куда-то в пространство.

— Это было... — заговорила Мараси. — Это было... — Она перевела дух. — Это ведь было неожиданно с моей стороны?

— Ты отлично справилась, — похвалил Вакс. — Люди обычно уверены, что пленник в их власти. Частенько лучший способ спастись — это дать сдачи.

— Что? — спросила Мараси, наконец-то взяв у него платок.

— Ты разрядила пистолет чуть не у самого уха. У тебя могут быть проблемы со слухом. Ржавь...

Надеюсь, это пройдет.

— Что?

Вакс жестом указал на ее лицо, и Мараси посмотрела на носовой платок, будто увидев его впервые. Моргнула, глянула вниз. Тотчас же отвернулась от трупа и начала вытирать лицо.

Из переулка ворча приковылял Уэйн — с новой прорехой на рукаве и с арбалетным болтом в руке.

— Вот мы его и допросили... — Мараси скривилась.

— Все в порядке, — заверил Вакс. — Наши жизни — важнее.

— Что?..

Он ободряюще улыбнулся, а Уэйн направился к констеблям, которые наконец-то прибыли на место преступления и собирались войти в трущобы.

— Почему со мной все время происходит нечто подобное? — спросила Мараси. — Да, знаю, я не смогу услышать ответ. Но это... уже третий раз, когда кто-то пытается взять меня в заложницы. Я что, излучаю беззащитность или что-то в этом духе?

«Так оно и есть, — подумал Вакс, но ничего не сказал. — И это хорошо. Из-за этого люди тебя недооценивают».

У Мараси сильный характер. В минуты напряжения она мыслила ясно и делала то, что необходимо, даже если это было неприятно. И не забывала про красивую одежду и макияж.

Лесси такие вещи не интересовали. В платье ее Вакс видел только в те редкие дни, когда они ездили в

Ковингтар, чтобы посетить сады приверженцев Пути. Он улыбнулся, вспомнив, как однажды под платье она надела все те же брюки.

— Лорд Ладриан!

Навстречу Ваксу спешил констебль Редди в форме капитана полиции. Худощавый, с аккуратно подстриженными вислыми усами.

— Редди. — Вакс кивнул. — Арадель здесь?

— Главный констебль занят другим расследованием, милорд, — бодрым голосом доложил Редди.

Почему Ваксу всегда хотелось ему врезать? Редди никогда не вел себя оскорбительно, отличался неизменной безукоризненной вежливостью. Может, в этом все и дело?

Вакс указал на ближайшие дома:

— Итак, будьте любезны, прикажите своим людям оцепить этот участок; следует опросить всех, кто окажется поблизости, и попробовать установить личность человека, которого только что убила леди Колмс.

Редди отдал честь, хотя формально этого не требовалось. Вакс был общегородским уполномоченным по досудебному урегулированию, и это позволяло ему... ну, например, скакать по городу с оружием, стреляя во все стороны. Но он не являлся частью командной иерархии.

И все же констебли бросились выполнять его приказ. Взглянув на Меткого Стрелка, Вакс усилием воли подавил гнев. Если так пойдет и дальше, ему ни

за что не отследить дядю Эдварна. Вакс лишь смутно догадывался, чего пытался добиться его родственник.

«Дело в том, что таким способом любого можно превратить в алломанта... если мы этим не воспользуемся, то воспользуется кто-то другой».

Слова из книги, которую ему дал Железноглазый.

— Отличная работа, милорд. — Редди кивком указал на бездыханного Меткого Стрелка. Узнать его по одежде было нетрудно. — Вы разобрались с еще одним негодяем. И как всегда, эффективно.

Вакс не ответил. Сегодняшняя «эффективная работа» оказалась просто еще одним тупиком.

— Эй, гляньте-ка сюда! — раздался поблизости голос Уэйна. — Кажется, я нашел зуб этого парня! Это ведь к удаче, правда?

Мараси с одуревшим видом присела на ближайшее крыльцо. Ваксу захотелось подойти к ней и утешить, но что, если она все неправильно поймет? Не хотелось вводить ее в заблуждение.

— Милорд, мы можем поговорить? — спросил Редди, когда на месте преступления появились новые констебли. — Я упомянул главного констебля и другое расследование. Вообще-то, я собирался искать вас, когда услышал об этой вашей погоне.

Вакс насторожился:

— Что произошло?

Редди поморщился, демонстрируя необычную озабоченность.

— Плохи дела, милорд, — сказал он, понизив голос. — У нас политические осложнения.

«Значит, к этому может быть причастен Костюм».

— Расскажите поподробнее.

— Понимаете, милорд, расследование связано с губернатором. Видите ли, его брат прошлой ночью устроил аукцион. И... ну, вам лучше увидеть это собственными глазами...

Мараси видела, как Ваксиллиум схватил Уэйна за плечо и указал в сторону поджидавшей кареты констеблей. За ней он не пришел. Сколько еще времени должно пройти, чтобы этот мужчина, будь он проклят, согласился принять ее если не в качестве ровни, то в качестве коллеги?

Раздосадованная Мараси направилась к карете. К несчастью, на пути попался капитан Редди. Пришлось напрячь слух и подключить интуицию, чтобы сквозь звон в ушах разобрать, что он говорит.

— Констебль Колмс, вы не в униформе.

— Да, сэр. У меня сегодня выходной.

— И все же вы здесь, — сцепив за спиной руки, констатировал Редди. — Как вам удастся — несмотря на четкие и ясные указания — постоянно отыскивать способы вмешиваться в ситуации вроде этой? Вы не оперативный работник, констебль Колмс. И это не ваше дело.

— Уверена, это чистая случайность, сэр.

Редди лишь презрительно усмехнулся. Забавно. Обычно такие усмешки капитан приберегал для Ваксиллиума. Редди что-то проговорил — Мараси не расслышала; потом кивком указал на машину, на

которой они приехали с Уэйном и Ваксиллиумом. Вообще-то, автомобиль был собственностью участка — Мараси велели освоить навыки вождения, а потом доложить об их эффективности главному констеблю. Арадель хотел проверить, можно ли заменить кареты, запряженные лошадьми, на автомобили.

— Сэр? — переспросила Мараси.

— Сегодня вам явно пришлось несладко, констебль. — Редди повысил голос. — Не спорьте. Отправляйтесь домой, приведите себя в порядок и завтра заступайте на дежурство.

— Сэр, я бы хотела доложить капитану Араделю о преследовании Меткого Стрелка и о его последовавшей кончине, прежде чем мои воспоминания начнут расплываться. Поскольку он лично следил за этим делом, ему это будет интересно.

Мараси посмотрела Редди прямо в глаза. Да, он старше по званию, но не ее непосредственный начальник. Начальником обоих был Арадель.

— Главный констебль, — с явной неохотой проговорил Редди, — в настоящий момент находится не в своем кабинете.

— Что ж, в таком случае я доложусь ему, и пусть он меня отправляет домой, сэр. Если таково будет его пожелание.

Редди закрипел зубами, видимо собираясь возразить, но тут его отвлек подошедший констебль, поэтому просто махнул в сторону машины. Сочтя это разрешением поступать, как собиралась только что, Мараси села в автомобиль и пристроилась за каретой,

в которой находился Ваксиллиум.

Когда они подъехали к фешенебельному особняку, обращенному фасадом к центру Эленделя, Мараси начала приходить в себя. Ее все еще трясло, и оставалось лишь надеяться, что это незаметно со стороны. И она худо-бедно слышала левым ухом — в отличие от правого, со стороны которого прогремел выстрел из пистолета.

Выбравшись из машины, Мараси вдруг поняла, что опять вытирает щеку носовым платком, хотя уже давно очистила все следы крови. Зато платье было совершенно испорчено, а Ваксиллиум и остальные уже вышли из кареты. Что делать? Схватив с заднего сиденья форменный жакет, Мараси поспешно накинула его на плечи и побежала догонять.

«Не считая прибывшей только что, здесь всего одна констебльская карета», — подметила она, изучая подъездную дорогу.

Что бы ни произошло в этом особняке, Арадель, видимо, не хотел привлекать внимание. Ваксиллиум подошел ко входу, огляделся, нашел глазами Мараси и подозвал взмахом руки.

— Ты знаешь, в чем суть дела? — негромко спросил он, пока Редди и другие констебли совещались возле кареты.

— Нет. Тебя не проинструктировали?

Ваксиллиум покачал головой. Посмотрел на кровавые пятна на платье, которые выглядывали из-под форменного жакета из жесткой коричневой ткани, и начал подниматься по ступенькам. За ним

последовал Уэйн.

Два констебля, мужчина и женщина, стерегли вход в особняк. Они отдали честь, когда Редди догнал Ваксиллиума — демонстративно игнорируя Мараси, — и провели их внутрь.

— Мы пытались держать все под очень строгим контролем, — сообщил Редди. — Но раз уж к этому причастен лорд Винстинг, известие о случившемся обязательно просочится. Ржавь, начнется кошмар...

— Брат губернатора?! — переспросила Мараси. — Да что тут произошло?

Редди указал на лестницу, ведущую наверх:

— Полагаю, мы найдем главного констебля Араделя в большом бальном зале. Должен предупредить, что зрелище там не для слабых желудком.

Он многозначительно посмотрел на Мараси — та вскинула бровь:

— Меньше часа назад меня забрызгало, оттого что совсем рядом в буквальном смысле взорвалась человеческая голова, капитан. Уверена, со мной все будет в порядке.

Не ответив, Редди повел их вверх по лестнице. Мараси заметила, как по дороге Уэйн прикарманил маленькую декоративную коробочку с сигарами марки «Гражданские магистратские», заменив ее на битое яблоко. Надо будет позаботиться о том, чтобы он вернул коробочку на место.

Бальный зал этажом выше усеивали трупы. Мараси и Ваксиллиум остановились в дверном проеме,

обозревая царивший внутри хаос. Убитые были в блестящих вечерних платьях или строгих черных костюмах. Шляпы слетели с голов, изысканный желто-коричневый ковер покрылся обширными узорами из кровавых пятен. Будто кто-то подбросил в воздух корзину яиц и позволил им упасть, расплескав содержимое по всему полу.

Клод Арадель, главный констебль Четвертого октанта, изучал место преступления. Выглядел он совсем не так, как полагалось констеблю: квадратное лицо украшала многодневная рыжая щетина — брился он только под настроение. Обветренная, изрытая глубокими морщинами кожа свидетельствовала о многих днях, проведенных не за письменным столом, а на оперативной работе. Араделю было, наверное, уже под шестьдесят, хотя свой истинный возраст он хранил в секрете — даже в документации октанта вместо даты рождения стоял знак вопроса. В чем никто не сомневался, так это в том, что в жилах Араделя не было ни капли благородной крови.

Лет десять назад, без официальных объяснений, он оставил службу в полиции. Ходили слухи, что Арадель достиг негласного «потолка», до которого могли повысить человека из простонародья. Однако за десять лет многое изменилось, и когда около года назад вышел на пенсию Бреттин — вскорости после казни Стожильного Майлза, — поиски нового главного констебля привели к Араделю. И он принял предложенный пост.

— Ладриан. — Арадель оторвал взгляд от трупа.

— Хорошо. Вы здесь.

Он пересек помещение; удостоил взглядом Мараси, которая отдала честь, и не приказал ей уйти.

— Ой, — заглянув в проем, проговорил Уэйн. — Веселье уже закончилось.

Шагнув в зал, Ваксиллиум пожал протянутую руку Араделя.

— Никак Чип Эрикелл? — Ваксиллиум кивнул на ближайший труп. — Предположительно главарь контрабанды в Третьем октанте?

— Да, — подтвердил Арадель.

— А это Изабалин Фрелия, — сказала Мараси. — Ржавь! На нее скопилось досье высотой с Уэйна, но прокуроры так и не смогли предъявить обвинение.

— Семь трупов принадлежат людям в той же степени известным. — Арадель указал на нескольких мертвецов. — Большинство из криминальных синдикатов, хотя некоторые были членами благородных домов и обладали... подмоченной репутацией. Остальные — имевшие высокий ранг представители других фракций. У нас примерно тридцать знаменитых жмуров, плюс еще компания охранников с каждым из них.

— Половина преступной элиты Эленделя, — присев возле одного из убитых, негромко проговорил Ваксиллиум. — По меньшей мере.

— Ко всем этим людям мы и прикоснуться не могли, — сообщил Арадель. — И не потому, что плохо старались, смею заметить.

— Тогда почему же все такие мрачные? —

поинтересовался Уэйн. — Да нам бы стоило закатить грандиозную вечеринку. Разве нет? Кто-то взял да и сделал за нас нашу работу! Можно взять отпуск на месяц.

Мараси покачала головой:

— Насильственная смена власти в преступном мире может быть опасной, Уэйн. Это свидетельствует о колоссальных амбициях — ведь получается, что кто-то одним ударом уничтожил всех своих противников.

Арадель бросил на нее внимательный взгляд, потом кивнул. Мараси почувствовала прилив воодушевления. Главный констебль сам ее нанял, выбрав ее заявление из дюжины других. У всех прочих кандидатов были за плечами годы опыта, а он взял на работу вчерашнюю выпускницу. Наверняка увидел в ней потенциал, и Мараси намеревалась доказать, что Арадель не ошибся.

— Я даже представить себе не могу, кто мог устроить подобное, — проговорил Ваксиллиум. — Расправа с таким количеством городских преступных главарей разом не принесет злоумышленникам выгоды — это миф, порожденный грошовыми романами. Убийство такого масштаба лишь привлечет внимание и заставит все прочие выжившие банды и фракции объединиться, едва они услышат новость.

— Если только это не устроил чужак, — заметила Мараси. — Тот, кто был вне системы с самого начала, — тот, кому выгодно, если она вся развалится.

Арадель хмыкнул, и Ваксиллиум кивнул в знак согласия.

— Но как, — прошептал он, — как можно было такое проверить? Уверен, их охрана была лучшей в городе. — Он начал ходить по залу, отмеряя шагами расстояние, осматривая сначала одни тела, потом другие, время от времени приседая и беззвучно шевеля губами.

— Сэр, Редди сказал, что в этом замешан брат губернатора. Это так? — осторожно спросила Мараси Араделя.

— Лорд Винстинг Иннейт.

Лорд Винстинг, глава Дома Иннейт. У него был голос в Сенате Эленделя — пост, который он получил, когда брат возвысился до губернатора. Мараси знала, что он коррумпирован, — да и многие другие констебли это подозревали, — поэтому не удивилась, обнаружив его причастным к чему-то подобному. Правда, Винстинг всегда казался Мараси слишком мелкой рыбешкой.

А вот губернатор... Что ж, возможно, та секретная папка на ее столе — полная намеков, догадок и улик — наконец-то сыграет свою роль.

— Винстинг. — Мараси повернулась к Араделю. — Он тоже...

— Мертв? — договорил за нее Арадель. — Да, констебль Колмс. Судя по приглашениям, которые мы обнаружили, он устроил эту встречу, замаскированную под некий аукцион. Мы нашли его труп в убежище, устроенном в подвале.

Видимо, их разговор привлек внимание Ваксиллиума. Он встал, устремив на них прямой

взгляд, потом пробормотал что-то себе под нос и зашагал к очередному труп. Интересно, что он искал?

К Мараси и Араделю приблизился шатавшийся без дела Уэйн. Глотнул из серебряной фляжки, украшенной чьими-то чужими инициалами. Мараси демонстративно не спросила, у кого из мертвецов он ее позаимствовал.

— Итак, что мы имеем, — начал Уэйн, — похоже, наш маленький глава Дома дружил с преступниками?

— Мы давно подозревали, что он нечестный человек, — подтвердил Арадель. — Но люди любят его семью, и его брат пошел на большие ухищрения, чтобы скрыть от общественности былые промахи Винстинга.

— Вы правы, Арадель, — откликнулся с другого конца зала Ваксиллиум. — Дело дрянь.

— Ой, ну не знаю... — Уэйн сделал паузу. — Может, он был не в курсе, что эти ребята не в ладах с законом.

— Сомневаюсь, — покачала головой Мараси. — И даже окажется это правдой, это не имеет значения. Как только газетчики прослышат о случившемся... Родной брат губернатора погиб в доме, полном известных преступников, при очень подозрительных обстоятельствах.

— Сдается мне... — Уэйн сделал еще глоток из фляжки, — что я ошибся. Веселуха ничуть не закончилась!

— Гости перестреляли друг друга.

Все трое повернулись. Ваксиллиум присел возле

трупа, потом поднял взгляд на следы от пуль в стене.

Ремесло законника, в особенности практикуемое в Дикоземье, заставило Ваксиллиума овладеть разнообразными навыками. Он был отчасти детективом, отчасти судебным исполнителем, отчасти руководителем, отчасти ученым. Мараси прочитала с десяток разных досье на него, составленных разными исследователями, — все они изучали образ мыслей человека, который превращался в живую легенду.

— Что вы имеете в виду, лорд Ладриан? — спросил Арадель.

— В этом сражении участвовало множество сторон. — Ваксиллиум обвел рукой зал. — Если бы это было неожиданное нападение извне — леди Колмс права, это наиболее логичный вариант, — то стоило бы ожидать, что гости станут жертвами шквального огня, который обрушит на них ворвавшийся враг. Однако, если присмотреться к трупам, вырисовывается совсем другая картина. Здесь произошла свалка. Хаос. Кто попало стрелял в кого попало. Думаю, все началось, когда некто выстрелил в самом центре собравшейся группы.

— Значит, все-таки один из гостей, — пробормотал Арадель.

— Очень может быть. Это все, что я смог установить по расположению тел и брызгам крови. Впрочем, кое-что выглядит странным, очень странным... Они все погибли от пуль?

— Нет, и это необычно. Некоторых убили ударом ножа в спину.

— Вы установили личности всех в этом помещении?

— Большинства, — ответил Арадель. — Мы не хотели их особо перемещать.

— Позвольте мне взглянуть на лорда Винстинга. — Ваксиллиум поднялся, шурша туманным плащом.

Арадель кивнул молодой девушке-констеблю, и та повела их к выходу из бального зала. За дверью на лестнице пахло плесенью, и она оказалась такой узкой, что пришлось идти гуськом. Первой с лампой в руке шла констебль.

Какой-то потайной ход?

— Мисс Колмс, — негромко окликнул Ваксиллиум, — что ваша статистика говорит о подобном насилии?

«О, неужто мы снова называем друг друга по фамилии?»

— Очень немного. Могу сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз произошло нечто похожее. Первым делом я бы попыталась определить, что связывало убитых. Они все занимались контрабандой, капитан Арадель?

— Нет, — раздалось позади. — Среди них были и контрабандисты, и вымогатели, и короли азартных игр.

— Это означает, что мы имеем дело не с целенаправленной попыткой усиления власти в какой-то определенной сфере преступной деятельности, — начала рассуждать Мараси, и звуки ее голоса эхом отразились от влажных каменных стен лестничного

пролета. — Мы должны найти связь — то, что превратило в мишени именно этих людей. Однако тот, кто, скорее всего, мог бы прояснить эту связь, мертв.

— Лорд Винстинг? — предположил Ваксиллиум.
— Полагаете, что именно он заманил всех сюда, спланировал их казнь, а потом что-то пошло не так?

— Такова одна из версий.

— Он не из этих мерзких типов, — подал голос шедший в конце процессии Уэйн.

— Ты что-то знаешь про Винстинга? — оглянувшись, спросила Мараси.

— Ничего особенного, — ответил Уэйн. — Но он был политиком. Мерзкие политики отличаются от обычных мерзких типов.

— Вынужден согласиться, — подтвердил капитан Арадель. — Хотя не стал бы выражать свое мнение столь цветисто. Мы знали, что Винстинг продажный, но в прошлом он почти не выходил за рамки малозначимых схем. Продавал грузовые трюмы контрабандистам, когда его это устраивало, заключал кое-какие темные сделки с недвижимостью. В основном, брал деньги в обмен на политические услуги. В последнее время поползли слухи о том, что он собирается выставить на продажу свой голос в Сенате. Мы это расследовали, но пока что не обнаружили улики. Так или иначе, убивать тех, кто собирается тебе заплатить, — все равно что при помощи динамита подорвать собственную серебряную шахту в поисках золота.

В конце лестницы обнаружили еще трупы. Судя

по всему, телохранители, каждый из которых получил пулю в голову.

Ваксиллиум присел.

— Застрелены сзади, со стороны убежища, — прошептал он. — Все четверо.

— Казнены? — уточнила Мараси. — Как же убийце удалось сделать так, чтобы они просто стояли и не сопротивлялись?

— Он и не делал. Всего лишь двигался настолько быстро, чтобы они не успели среагировать.

— Ферухимик, — негромко проговорил Уэйн. — Будь я проклят...

Ферухимиков, которые могли приберегать про запас скорость, называли стальными бегунами. Им приходилось замедляться на некоторое время, чтобы позже воспользоваться резервом.

Ваксиллиум поднял голову. Мараси заметила в его глазах блеск, какой бывает у голодного при виде еды. Вероятно, решил, что к этому причастен его дядя. Он так думал каждый раз, когда преступление совершал металлорожденный. В какую бы сторону ни повернулся Ваксиллиум, он всюду видел за своим плечом тень мистера Костюма — призрак человека, которого не сумел остановить.

Насколько им было известно, у Костюма все еще находилась в заложницах сестра Ваксиллиума. Мараси мало что знала об этом — Ваксиллиум отказывался обсуждать детали.

Он с мрачным видом поднялся и направился к двери позади павших охранников. Распахнул ее и

вошел; Мараси с Уэйном двинулись следом и обнаружили единственный труп, безвольно лежащий в мягком кресле посреди комнаты. Человеку перерезали горло, и кровь на передней части костюма напоминала толстый слой засохшей краски.

— Убит чем-то вроде длинного ножа или маленького меча, — сказал Арадель. — Что еще более странно, ему... вырезали язык. Мы послали за доктором, чтобы тот рассказал побольше о ране. Не понимаю, почему убийца не воспользовался пистолетом.

— Потому что в тот момент еще были живы охранники, — негромко пояснил Ваксиллиум.

— Что?

— Они пропустили убийцу. — Ваксиллиум смотрел на дверь. — Это был кто-то, кому они доверяли. Кто-то свой. Они позволили убийце войти в убежище.

— Или он просто слишком быстро прошел мимо них, — предположила Мараси.

— Возможно, — согласился Ваксиллиум. — Но дверь открывается изнутри, и ее не взламывали. Тут есть глазок. Винстинг впустил убийцу, а он бы этого не сделал, если бы охранники были мертвы. Он спокойно сидит в кресле — никаких следов борьбы. Видимо, кто-то, находившийся сзади, быстро резанул его по горлу. Или Винстинг не знал, что в комнате есть кто-то еще, или этому человеку доверял. А теперь присмотритесь, как лежат охранники снаружи. Все они были сосредоточены на ступеньках — значит

ждали опасности именно оттуда. Они по-прежнему охраняли лестницу. Нутром чую, Винстинга убил кто-то из своих — тот, кого они сюда пропустили.

— Ржавь, — негромко выругался Арадель. — Но... ферухимик? Вы уверены?

— Ага, — подтвердил стоявший у двери Уэйн. — И это точно был не скоростной пузырь. Из них нельзя стрелять. Этих ребят убили быстрее, чем хоть один из них успел оглянуться. Вакс прав. Или ферухимик, или кто-то вычислил, как стрелять изнутри скоростного пузыря, — а мы весьма не прочь узнать, как повернуть такой фокус.

— Ферухимическая скорость движения объясняет и смерти от удара ножом в бальном зале. — Ваксиллиум поднялся. — Несколько быстрых убийств посреди хаоса перестрелки. Быстрые и хирургически точные удары — значит убийце ничего не грозило, несмотря на пальбу. Капитан Арадель, предлагаю вам собрать имена деловых партнеров и слуг Винстинга. Проверьте, не отсутствует ли здесь чье-то тело. А я займусь металлорожденными — стальные бегуны даже среди ферухимиков встречаются редко.

— А пресса? — спросила Мараси.

Ваксиллиум посмотрел на Араделя — тот пожал плечами:

— Мне не удержать это в секрете, лорд Ладриан. Слишком много людей замешано. Все узнают о случившемся.

— Ладно. — Ваксиллиум вздохнул. — Но я не могу отделаться от ощущения, что ради этого все и

затеяли.

— Прошу прощения? — не понял Уэйн. — Я думал, все затеяли ради того, чтобы перебить этих ребят.

— Слишком много «ребят», Уэйн. — Ваксиллиум покачал головой. — Похоже на передел власти в городе. Были ли те люди наверху главными целями? Или это атака на губернатора собственной персоной, удар исподтишка по его Дому, некое послание? Сообщение губернатору Иннейту о том, что даже он не может уберечься от них...

Он отвел назад голову Винстинга и принялся рассматривать разодранный рот. Мараси отвернулась.

— Кто-то вырвал ему язык, — прошептал Ваксиллиум. — Почему? Что ты затеял, дядя?

— Прошу прощения? — спросил Арадель.

— Пустяки. — Ваксиллиум позволил голове трупа снова упасть. — Я должен отправиться к художнику, чтобы позировать для портрета. Вас не затруднит прислать мне сообщение, когда станут известны все детали?

— Пришлю. — Арадель кивнул.

— Отлично. — Ваксиллиум направился было к двери. — И еще, капитан...

— Да, лорд Ладриан?

— Приготовьтесь к буре. Это сделали не втихую; это сделали так, чтобы люди заметили. Это вызов. Кто бы ни стоял за случившимся, он не остановится на содеянном.